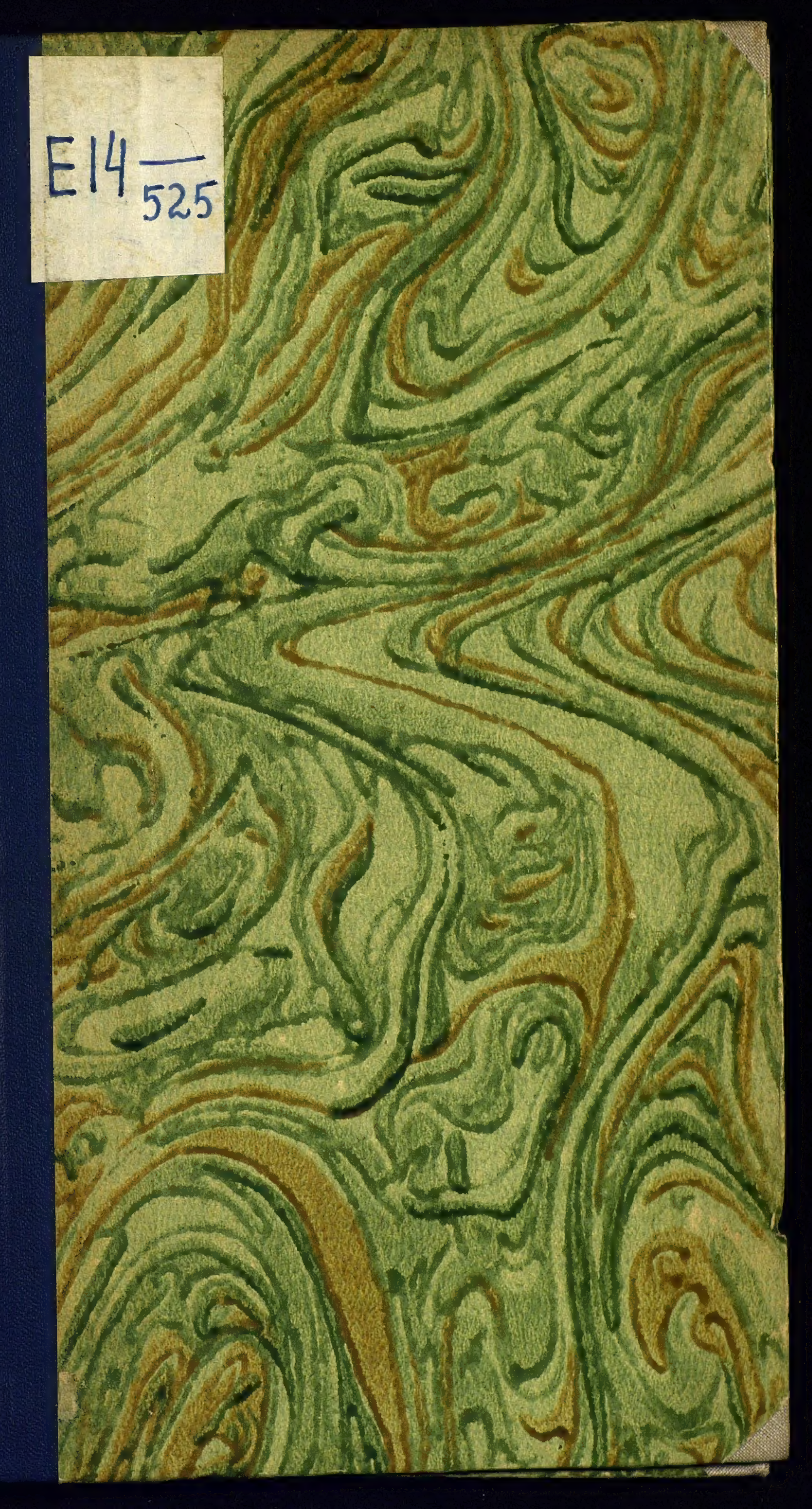

А. А. Шахматовъ.

ЕВГЕНІЙ БУДДЕ.

КЪ ИСТОРІИ ВЕЛИКОРУССКИХЪ ГОВОРОВЪ.

Опытъ историко-сравнительнаго изслѣдованія народнаго говора въ Касимовскомъ уѣздѣ, Рязанской губерніи.

Казань, 1896 г. Стр. 377 + II. 8°.

КРИТИЧЕСКІЙ ОТЗЫВЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин. № 12.
1898.

А. А. Шахматовъ.

ЕВГЕНІЙ БУДДЕ.

КЪ ИСТОРІИ ВЕЛИКОРУССКИХЪ ГОВОРОВЪ.

Опытъ историко-сравнительнаго изслѣдованія народнаго говора въ Касимовскомъ уѣздѣ, Рязанской губерніи.

Казань, 1896 г. Стр. 377 + II. 8°.

КРИТИЧЕСКІЙ ОТЗЫВЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин. № 12.
1898.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Октябрь 1898 г.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ.*

Отдѣльный оттискъ изъ «Отчета о присужденіи Ломоносовской преміи въ 1897 году» (въ Сборникѣ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, томъ LXVI, прилож. № 2, стран. 25—73).

Евгеній Будде. Къ исторіи великорусскихъ говоровъ. Опытъ историко-сравнительнаго изслѣдованія народнаго говора въ Касимовскомъ уѣздѣ, Рязанской губерніи. Казань 1896 г. 377 стр. + II стр.

Авторъ настоящаго изслѣдованія Евгеній Ѳедоровичъ Будде, профессоръ Казанскаго университета, давно уже пріобрѣлъ почетную извѣстность цѣлымъ рядомъ сочиненій по исторіи русскаго языка и русской литературы. Среди нихъ наиболѣе выдаются: работа, посвященная изученію нѣсколькихъ говоровъ Рязанской губерніи—«Къ діалектологіи великорусскихъ нарѣчій» (Варшава 1892 г.) и «Отчетъ» о командировкѣ въ Рязанскую губернію (Казанск. унив. изв. 1895 г.). Эти два сочиненія тѣснѣйшимъ образомъ примыкаютъ къ настоящему труду: изслѣдованіе говоровъ южныхъ уѣздовъ Рязанской губерніи вызвало у Е. Ѳ. желаніе познакомиться и съ сѣверомъ губерніи, а рѣзкія отличія между языкомъ сѣвера и юга побудили его искать границу между этими говорами: такой границей оказалась рѣка Ока. Къ югу отъ нея наблюдается одинъ типъ говоровъ, типъ, описанный авторомъ въ его работѣ 1892 года, а къ сѣверу и сѣверовостоку находятся говоры, типичныя особенности которыхъ Е. Ѳ. описалъ въ настоящемъ трудѣ. Имъ обслѣдованъ лѣтомъ 1895 года рядъ селеній къ сѣверу и сѣверовостоку отъ Оки, Спасскаго — преимущественно же Касимовскаго уѣзда, а также нѣсколько

селеній того же Касимовскаго уѣзда къ югу отъ Оки. Приложенная къ изслѣдованію карта отмѣчаетъ всѣ деревни и села, гдѣ успѣлъ побывать г. Будде, а также тотъ путь, котораго онъ держался. Нелишне отмѣтить здѣсь же, что говоръ Касимовскаго уѣзда напомнилъ Е. Ѳ. нѣкоторыя характерныя особенности говоровъ Вятской губерніи, отмѣченныя Далемъ, Колосовымъ и другими изслѣдователями: вотъ почему лѣтомъ 1896 года имъ была предпринята поѣздка въ Нолинскій, Слободской, Орловскій и Котельническій уѣзды Вятской губерніи. Связавъ такимъ образомъ Касимовскіе говоры съ семьей сѣверновеликорусскихъ говоровъ, г. Будде въ настоящее время занятъ вопросомъ о ближайшемъ отношеніи ихъ, а также другихъ рязанскихъ говоровъ, къ южновеликорусской семьѣ: вѣроятно, это побудило его предпринять въ этомъ году поѣздку въ Тульскую и Калужскую губерніи. Я потому упомянулъ обо всѣхъ этихъ трудахъ Е. Ѳ. на почвѣ изслѣдованія русскаго языка, что онъ среди представителей науки о родномъ языкѣ успѣлъ занять видное и почетное мѣсто: рѣдкій изъ нихъ обогатилъ въ такой значительной степени наши знанія о живыхъ русскихъ говорахъ, какъ г. Будде, мало кто такъ хорошо и разносторонне знакомъ съ народною рѣчью. Въ этомъ отношеніи Е. Ѳ. является прямымъ преемникомъ Колосова, хотя несомнѣнно, что въ своихъ трудахъ по діалектологіи, и даже въ первой своей работѣ о рязанскихъ говорахъ, онъ обнаружилъ гораздо болѣе тщательности и, если можно такъ выразиться, лингвистическаго такта, чѣмъ покойный профессоръ Варшавскаго университета. Но если г. Будде имѣлъ предшественниковъ въ работахъ по наблюденію за живыми говорами и даже въ попыткахъ систематическаго описанія ихъ, то настоящее его сочиненіе, подлежащее нашему разбору, является единственнымъ и пока совершенно одиноко стоящимъ въ нашей ученой литературѣ: авторъ задался цѣлью связать настоящее одного изъ русскихъ говоровъ съ предполагаемымъ его прошедшимъ, для чего онъ обратился къ историко-сравнительному изслѣдованію современныхъ говоровъ и древне-

русскихъ памятниковъ. Это изслѣдованіе дало возможность г. Будде притти къ цѣлому ряду научныхъ выводовъ и положеній: изъ нихъ нѣкоторые настолько общаго характера, что, можетъ быть, станутъ со временемъ достояніемъ исторіи русскаго народа, а другіе уже теперь заняли подобающее имъ мѣсто въ исторіи русскаго языка.

Выдающіяся достоинства труда г. Будде обязываютъ рецензента съ особенною тщательностью отмѣтить въ немъ какъ то, что является положительнымъ вкладомъ въ науку, такъ и тѣ промахи и недостатки, неизбѣжные, впрочемъ, во всякомъ самостоятельномъ изслѣдованіи, которые невольно останавливаютъ вниманіе на страницахъ книги, относящейся къ капитальнѣйшимъ работамъ въ области исторіи русскаго языка. Рѣшаюсь подробно остановиться на достоинствахъ и недостаткахъ изслѣдованія Е. Ѳ.; мое уваженіе къ автору и къ его труду побуждаетъ меня высказаться по поводу ряда вопросовъ, неудовлетворительно, какъ мнѣ кажется, разрѣшенныхъ въ разбираемомъ сочиненіи. Кромѣ того не могу пройти молчаніемъ нѣкоторыхъ замѣченныхъ мною недостатковъ въ методѣ и пріемахъ изслѣдованія г. Будде.

Въ виду этого я разбиваю настоящій разборъ на три части: въ первой я буду говорить объ общихъ недостаткахъ въ изслѣдованіи Е. Ѳ., во второй остановлюсь на тѣхъ положеніяхъ его, съ которыми я не могу согласиться; наконецъ, въ третьей части я сдѣлаю краткій обзоръ тѣхъ результатовъ изслѣдованія почтеннаго автора, которые привели меня къ убѣжденію въ томъ, что онъ далъ намъ цѣнный вкладъ въ науку о русскомъ языкѣ.

I.

1. Нельзя не пожалѣть о томъ, что авторъ остановился почти исключительно на фонетической сторонѣ изслѣдуемыхъ говоровъ. Судя по обѣщанію, данному въ предисловіи (с. 11), и нѣкоторымъ ссылкамъ въ самомъ сочиненіи (стр. 71, 83 и др.),

мы ожидали найти въ книгѣ г. Будде отдѣлы, посвященные морфологіи и синтаксису говоровъ Касимовскаго уѣзда. Вмѣсто этого мы на стр. 197—199 находимъ указаніе на употребленіе члена, нѣкоторыхъ мѣстоименій, а также перечень формъ, уклоняющихся отъ формъ литературнаго нарѣчія. Врядъ ли авторъ разумѣлъ подъ обѣщанными «Морфологіей» и «Синтаксисомъ» этотъ краткій перечень формальныхъ и синтактическихъ особенностей. Благодаря отсутствію отдѣла, посвященнаго ученію о формахъ, автору пришлось говорить о многихъ формальныхъ явленіяхъ въ отдѣлѣ фонетики и это, какъ мнѣ кажется, весьма вредно отразилось на нѣкоторыхъ частяхъ его книги.

2. Автору можно поставить въ упрекъ недостаточно точное разграниченіе явленій фонетическихъ и морфологическихъ. Непонятно, почему на стр. 103 появленіе аны́, адны́ вм. они́, одни́ разсматривается среди случаевъ звукового колебанія между гласными *ы* и *и*: самъ авторъ говоритъ, что аны́, адны́ образовались не фонетическимъ путемъ, а по аналогіи съ прилагательными[1]); между тѣмъ на стр. 104, вслѣдъ за примѣрами формъ оны, яны, ены изъ сѣвернорусскихъ и бѣлорусскихъ говоровъ, мы читаемъ фразу: «но въ этомъ вопросѣ о звукахъ *ы* и *и*, повидимому, еще въ общерусскомъ языкѣ игралъ какую-то особую роль звукъ р». Но развѣ колебаніе *ы* и *и* въ одны—одни стоитъ въ какомъ бы то ни было отношеніи къ «вопросу *о звукахъ* ы и и»? Ниже на стр. 108 туды́, суды́ объясняются фонетически изъ тудѣ, судѣ черезъ посредство предполагаемыхъ туди, суди: конечно, это обмолвка со стороны Е. Ѳ., которому хорошо извѣстно изъ русскихъ говоровъ и изъ другихъ славянскихъ языковъ, что эти и подобныя имъ нарѣчія на *ы* такъ же древни и первоначальны, какъ родственныя по образованію нарѣчія на *ѣ* и на *а* (ср. чешск. kdy, ondy, польск. kiedy и т. д.).

На стр. 109 въ число случаевъ, гдѣ дѣйствительно замѣ-

1) Я думаю, что оны, одны вм. они, одни явились такъ же, какъ всѣ, моѣ вм. вси, мои; сады, люди вм. сади, людье, т. е. представляютъ вытѣсненіе формы им. мн. ч. формою вин. мн. ч.

чается фонетическое колебаніе между звуками *ы* и *и*, включены формы именъ прилагательныхъ, какъ ради, богати, сыти, квити; колебаніе гласныхъ *ы* и *и* въ подобныхъ случаяхъ (ср. литер. рады, сыты) авторъ на стр. 110 ставитъ въ какую-то связь съ предшествующими имъ зубными звуками. Между тѣмъ г-ну Будде, какъ и всякому изслѣдователю русскаго языка, несомнѣнно ясно, что ради, сыти въ именахъ прилагательныхъ, такъ же какъ черти, сосѣди въ существительныхъ, — архаизмы, сравнительно съ обыкновенными окончаніями на *ы*.

Совершенно также въ числѣ случаевъ, гдѣ вм. *е* мы находимъ *ё* фонетическаго происхожденія, г. Будде на стр. 96 упоминаетъ всёй артелюй, ф сваёй диревьни: я увѣренъ, что авторъ не нуждается въ моемъ указаніи на то, что всёй, своёй, такъ же какъ землёй, семьёй, заимствуютъ свое ё (о) изъ формъ съ твердой основой: одной, толпой, водой и т. д. Но зачѣмъ же было говорить о подобныхъ формахъ въ фонетикѣ? Отвѣтъ мы найдемъ все въ томъ же обстоятельствѣ, что авторъ, увлекшись звуковыми особенностями касимовскихъ говоровъ, не отвелъ должнаго мѣста особенностямъ формальнымъ; не желая умолчать о томъ или другомъ любопытномъ отличіи касимовскихъ говоровъ въ области формъ, онъ насильственно включалъ ихъ въ рубрики фонетическихъ явленій.

3. Я думаю, что отчасти въ этомъ виновато и то обстоятельство, что Е. Ѳ. не отдалъ себѣ яснаго отчета о томъ, что слѣдуетъ разумѣть подъ выраженіемъ «звуковой составъ» извѣстнаго говора. Первая часть изслѣдованія озаглавлена: «Звуковой составъ народныхъ говоровъ въ Касимовскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи»; ей противополагается вторая часть, гдѣ говорится объ отношеніи касимовскихъ говоровъ къ другимъ русскимъ говорамъ «по звукамъ». Въ этой второй части мы видимъ изслѣдованіе о томъ, какъ и когда образовалось то или другое фонетическое явленіе, описанное въ первой части. Отсюда ясно, что авторъ хотѣлъ въ первой части ограничиться описаніемъ звуковъ касимовскихъ говоровъ, не касаясь ихъ происхожденія: дѣйствительно, нѣкоторыя

главы первой части строго придерживаются задуманнаго плана и даютъ весьма обстоятельное описаніе звуковъ изслѣдуемыхъ говоровъ. Но и въ нихъ мы видимъ, что звуки разсматриваются не сами по себѣ и не только въ зависимости отъ различныхъ фонетическихъ положеній, но также въ зависимости отъ положенія въ томъ или другомъ словѣ или въ той или другой формѣ слова. Такъ на стр. 82 находимъ указаніе на то, какъ произносится звукъ *а* при соединеніяхъ имени съ членомъ (какъ домă-т), при чемъ тутъ же сказано нѣсколько словъ о вѣроятномъ происхожденіи гласной въ такомъ положеніи. Я думаю, что въ описаніи звукового состава говора, если вслѣдъ за тѣмъ предполагается дать изслѣдованіе о происхожденіи этого звукового состава, слѣдовало бы ограничиться точнымъ описаніемъ звуковъ самихъ по себѣ, а также указаніемъ на фонетическія положенія, гдѣ встрѣчаются эти звуки и на звуковыя отличія, зависящія отъ различныхъ фонетическихъ положеній. Происхожденіе звуковъ, а тѣмъ болѣе формъ, надо оставить при этомъ въ сторонѣ. Г. Будде къ сожалѣнію не провелъ ясной границы между описаніемъ звуковъ (1-ая часть) и изслѣдованіемъ о ихъ происхожденіи (2-ая часть), вслѣдствіе чего уже съ III главы 1-ой части мы найдемъ рядъ отступленій въ область не только исторіи русскаго языка, но даже литовско-славянскаго и индоевропейскаго прошлаго (напр. на стр. 191). Такъ напр. я не понимаю, почему интересныя указанія на данныя древнерусскихъ памятниковъ о взаимномъ отношеніи звуковъ в и ў не перенесены изъ первой части (стр. 163—166) во вторую, гдѣ приводятся такія же данныя изъ памятниковъ и изъ живыхъ говоровъ (стр. 303 и сл.). Вслѣдствіе невыдержанности плана сочиненія, мы найдемъ въ книгѣ г. Будде не мало совершенно излишнихъ повтореній: они затемняютъ изслѣдованіе и мысли автора, иногда весьма любопытныя и достойныя болѣе цѣльнаго и яснаго изложенія.

4. Мы охотно бы помирились съ отсутствіемъ въ книгѣ г. Будде отдѣловъ Морфологіи и Синтаксиса, если бы, какъ указано выше, случайное, несистематическое разсмотрѣніе тѣхъ

или другихъ формъ не вносило путаницы въ изложеніе фонетики, не прерывало изслѣдованія фонетическихъ явленій. Сосредоточивъ все свое вниманіе на звуковой сторонѣ описываемыхъ говоровъ, авторъ представилъ рѣдкій по полнотѣ обзоръ фонетики живой рѣчи. Къ сожалѣнію въ этомъ обзорѣ недостаетъ главы объ удареніи: изъ записей г. Будде и изъ нѣкоторыхъ отрывочныхъ его замѣчаній видно, что объясненіе нѣкоторыхъ явленій ударенія прибавило бы нѣсколько типическихъ чертъ къ характеристикѣ касимовскихъ говоровъ. Между прочимъ обращаютъ на себя вниманіе формы 1 л. ед. ч. наст. вр., какъ то́пю, во́пю, ко́рьмю, ру́бю, образованныя, какъ указываетъ г. Будде, подъ вліяніемъ формъ прочихъ лицъ настоящаго времени (стр. 174), при чемъ остается невыясненнымъ, возможны ли рядомъ ударенія какъ топю́, карьмю́, ср. приведенное на стр. 133: носю́. Самъ авторъ очевидно сознаетъ важность изслѣдованія нѣкоторыхъ явленій ударенія: такъ мы видимъ у него попытку связать долготу окончанія ой (ай) въ им. ед. муж. р. именъ прилагательныхъ (ср. стр. 221 и 371 — 374) съ удареніемъ. Попытку эту ни въ коемъ случаѣ нельзя назвать удачной: сравненіе русскаго языка съ сербскимъ ясно показываетъ, что уже въ общеславянскомъ языкѣ замѣчалось колебаніе въ удареніи именъ прилагательныхъ (ср. сербск. свѐтӣ и свѐтӣ, крȁткӣ и кра̏ткӣ, тѐшкӣ и тȇшкӣ, глȁвнӣ и гла̂внӣ и др.), при чемъ, разумѣется, долгота или краткость окончанія им. пад. ни въ коемъ случаѣ никакого значенія въ этомъ явленіи имѣть не могли. Я очень жалѣю, что г. Будде не связалъ вопроса о касимовскихъ долготахъ съ удареніемъ рѣчи, и не попытался объяснить происхожденія этихъ долготъ, врядъ ли имѣющихъ этимологическое происхожденіе, особеннымъ характеромъ ударенія въ рѣчи касимовцевъ: во всякомъ случаѣ замѣчаніе Р. Ѳ. Брандта о томъ, что долгота гласныхъ, которая иногда слышится въ русской рѣчи, имѣетъ чисто случайный, риторическій характеръ, заслуживало бы болѣе обстоятельнаго разсмотрѣнія (стр. 201).

Не только удареніе, но и нѣкоторыя другія стороны фоне-

тики касимовскихъ говоровъ остались не обслѣдованными. Укажу напр. на интересныя и важныя явленія смягченія согласныхъ. На стр. 173 читаемъ: «далѣе, передъ мягкимъ слогомъ—ки,—ти мы слышимъ *и* мягкіе губные звуки, какъ въ южно-рязанскомъ говорѣ», затѣмъ слѣдуютъ примѣры: тряпьки, лапьти, лафьки, дѣфьки и др. Во-первыхъ я не понимаю зачѣмъ здѣсь *и*, подчеркнутое мною: значитъ ли это, что рядомъ съ тряпьки, лапьти г. Будде слышалъ и тряпки, лапти? Во-вторыхъ здѣсь къ сожалѣнію смѣшаны два явленія, которыя надо строго различать: смягченіе губныхъ передъ мягкими гортанными и смягченіе губныхъ передъ мягкими зубными. Г. Будде, конечно, извѣстно, что въ московскомъ и во многихъ другихъ русскихъ говорахъ рядомъ съ произношеніемъ лафьки, тряпьки существуетъ произношеніе лапти, землю. Касимовскіе говоры, какъ можно заключать изъ приведеннаго лапьти, а также изъ раје́вьня (стр. 91), диревьни (96), диревьня (199), дяше́вьли (69), ўофьси (69), цасо́вьню (125), сохранилъ черту древности, представляя мягкость губныхъ въ положеніи передъ мягкими зубными (произношеніе зем^{i}лю старше произношенія землю, что видно изъ того, что мы не имѣемъ зёмлю). Мы ожидали бы отъ изслѣдователя касимовскихъ говоровъ большей обстоятельности въ этомъ вопросѣ: ему слѣдовало бы точно опредѣлить всѣ условія, при которыхъ въ изслѣдуемыхъ имъ говорахъ слышатся мягкія согласныя (ср. еще *ш* мягкое въ ташьнѣя 68). Замѣчу, что согласныя, по собственному признанію автора, остановили на себѣ особенное его вниманіе: между тѣмъ въ книгѣ отсутствуютъ общія указанія на переходъ звонкихъ согласныхъ въ концѣ слова въ глухія, на измѣненіе звонкихъ передъ глухими въ глухія же и т. п.; а между тѣмъ весьма интересно сопоставить приводимыя имъ и несомнѣнно точно передающія дѣйствительное произношеніе: кароўка, дѣўка, жыў (150), гадоў и жынихоф, сафсѣмъ, дявцо́нки, жыф (337, 334). Говоря объ измѣненіи г въ концѣ слова, важно было бы опредѣлить раіонъ, гдѣ слышится снѣк, друк, телѣк въ противоположность южно-рязанскимъ снѣх, друх, телѣх.

5. Впрочемъ, подобные недочеты неизбѣжны во всякой сложной работѣ: очерчивая нѣкоторыя подробности, легко упускаешь изъ виду другія и всегда подвергаешься опасности дать неполную картину описываемаго говора. Легче избѣчь другихъ недостатковъ, а именно смѣшенія предметовъ наблюденія, неточнаго изложенія границъ и круга дѣйствія того или другого фонетическаго закона. А у автора замѣчаются недосмотры и въ этомъ отношеніи, при чемъ всего вѣроятнѣе отнести ихъ на счетъ спѣшности работы: все изслѣдованіе г. Будде написано спѣшно и оно бы много выиграло, если бы авторъ нашелъ время еще разъ его проработать. Такъ на стр. 186, въ числѣ примѣровъ появленія *к* мягкаго подъ вліяніемъ предшествующаго мягкаго слога (ср. цайкю́, толькя, заинькя, харашенькя), приведены: дѣхькя им. мн., дѣхькямъ дат. мн. Но несомнѣнно, что въ им. мн. *к* было получено мягкимъ передъ мягкимъ окончаніемъ этого падежа (дѣвки), при чемъ мягкость предшествующей губной (дѣфьки, откуда дѣхьки) вызвана мягкимъ *к*: слѣдовательно, дѣхькя, а также хлопькя им. мн., гдѣ *я* вм. *и*, не могутъ быть поставлены рядомъ съ глупинькюю, понькя, понькяхъ и должны быть вычеркнуты изъ числа примѣровъ на стр. 186. Дат. мн. дѣхькям явилось вм. дѣфкамъ подъ вліяніемъ им. мн. дѣхьки, дѣхькя, такъ какъ послѣ твердаго согласнаго звука г. Будде не допускаетъ фонетическаго смягченія *к*: очевидно и примѣръ дѣхькям попалъ въ число прочихъ по недосмотру. — На стр. 103 - 111 приведенъ рядъ случаевъ колебанія между звуками *ы* и *и*: мы уже видѣли, что многіе изъ нихъ относятся къ области морфологіи, въ другихъ колебаніе звуковъ *ы* и *и* вызвано дѣйствительно фонетическими причинами, но странно, что г. Будде не постарался разобраться въ указанныхъ имъ случаяхъ смѣшенія *ы* и *и*. Нахожу излишнимъ напомнить ему, что бѣлорусское *ры* ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть сопоставлено съ *ры* вм. *ри* великорусскихъ говоровъ (въ случаяхъ какъ крыкъ, крычать), что въ псалтырь, монастырь и т. п. видно вліяніе славянскихъ образованій на—тырь, что колебаніе — ыня при—ина, —иня также

должно объясняться существованіемъ разныхъ суффиксовъ. Но не могу умолчать о томъ, что г. Будде тутъ же въ числѣ случаевъ колебанія *ы* и *и* приводитъ скыма и скима, кывотъ и кивотъ изъ древнерусскихъ памятниковъ: его утвержденіе, что это колебаніе не стоитъ въ связи съ бывшей когда-то твердостью звука *ы*, какъ звука задне-небнаго, гортаннаго, для меня совершенно непонятно; въ ту эпоху, когда вм. *кы*, *гы*, *хы* явились *ки*, *ги*, *хи*, этому фонетическому измѣненію *ы* въ *и* подверглось всякое *ы*, какого бы оно ни было происхожденія. Но если бы даже представить себѣ, что произношеніе кывотъ, скыма пережили произношеніе кысель, рукы, спрашивается, при чемъ тутъ колебаніе *ы* и *и*?

6. Указанныя погрѣшности легко исправить всякому читателю: никого онѣ не могутъ ввести въ заблужденіе. Менѣе извинительны въ серьезномъ изслѣдованіи лингвиста тѣ мѣста, гдѣ можно усмотрѣть смѣшеніе историческихъ эпохъ, отнесеніе насчетъ позднѣйшаго времени такихъ законовъ, дѣйствіе которыхъ прекратилось въ эпохи предшествующія. Къ удивленію, г. Будде въ нѣсколькихъ мѣстахъ своей книги не считается должнымъ образомъ съ тѣмъ обстоятельствомъ, что всякій фонетическій законъ слѣдуетъ разсматривать какъ ограниченный пространствомъ и временемъ. Такъ на стр. 185 явленіе, по которому въ нѣкоторыхъ русскихъ говорахъ звукъ *к* умягчается послѣ мягкаго слога, признается «весьма древнимъ и принадлежавшимъ нѣкогда всему русскому языку», при чемъ указаніемъ на это служитъ «фактъ перехода такого *к* въ суффиксѣ въ *ц* во многихъ русскихъ говорахъ въ словахъ, именно, съ суффиксомъ—ик,—вмѣсто котораго является діалектическое—иц» (далѣе слѣдуютъ примѣры изъ Яросл. Пошехон., какъ брусница, поляница, ежевица и т. д.). Я не сомнѣваюсь въ томъ, что г. Будде прекрасно знаетъ, что появленіе *ц* въ брусница, овьца, пътица, лице относится къ эпохѣ общеславянскаго языка и вовсе не есть спеціальная черта общерусскаго языка, а еще менѣе отдѣльныхъ русскихъ говоровъ. Вѣроятно, онъ хотѣлъ сравнить появленіе *к* мягкаго

въ совр. южновеликор. рѣчькя, толькя съ появленіемъ к мягкаго откуда *ц*, въ языкѣ общеславянскомъ (оүьк'а́-оүьса); я вполнѣ согласенъ съ возможностью такого сравненія, но никогда бы не рѣшился признать общимъ явленіемъ—переходъ общеславянскаго *к* въ *к* мягкое, откуда *ц*, и переходъ діалектическаго русскаго *к* въ *к* мягкое.—Подобную же неясно выраженную мысль мы находимъ на стр. 300—301: изъ того, что русскій языкъ вмѣстѣ съ южно-славянскими языками ассимилировалъ звуки *д* и *т* слѣдующимъ *н* и *л* (въ случаяхъ какъ мыло вм. мыдло) ни въ коемъ случаѣ не слѣдуетъ, чтобы древнерусскія нарѣчія новыя группы *дн* изъ *дън* должны были измѣнить въ *нн*: по мнѣнію г. Будде общерусское вянути изъ вяднути доказываетъ, что «одна» должно было измѣниться въ «онна»; эту форму онъ и находитъ во многихъ современныхъ русскихъ говорахъ (она извѣстна уже въ XIV вѣкѣ), почему рѣшается высказать предположеніе, что форма *одна* другихъ говоровъ — форма новая, явившаяся подъ вліяніемъ *одинъ*. Я согласенъ съ тѣмъ, что появленіе онна вм. одна можно сравнивать съ измѣненіемъ вяднути въ вянути, но ни отожествлять оба явленія, ни тѣмъ болѣе признать ихъ слѣдствіемъ одного общаго фонетическаго закона, я бы не рѣшился: законъ объ измѣненіи *dn*, *dl* уже окончилъ свое дѣйствіе ко времени исчезновенія глухихъ; вотъ почему мы теперь находимъ въ живой рѣчи произношеніе какъ метла, ветла, седло, одна, пятно и т. д.—На стр. 125 мы находимъ у г. Будде заключеніе, обратное только что указанному: изъ того, что въ современныхъ русскихъ говорахъ замѣчается опущеніе мягкаго *в* передъ гласными (я не вѣрю, чтобы такое опущеніе дѣйствительно существовало и схожусь въ этомъ случаѣ съ А. И. Соболевскимъ)[1]), авторъ заключаетъ о возможности возводить діалектическія русскія теѣ, сеѣ (вм. тебѣ, себѣ) къ предполагаемымъ общеславян-

---

1) Любой восходитъ къ любой съ неслоговымъ й, гдѣ й замѣнило неслоговое у подъ вліяніемъ формъ какъ любови; любви, ср. дѣйки, галойки изъ дѣйки, голойки съ неслоговымъ й, замѣнившимъ неслоговое у подъ вліяніемъ слѣдующей мягкой согласной.

скимъ teve, seve (ср. лит. taves, saves). Существованіе фонетическаго закона въ одномъ изъ современныхъ живыхъ говоровъ ни въ коемъ случаѣ не можетъ доказать существованія подобнаго закона въ эпоху болѣе отдаленную, а тѣмъ болѣе прарусскую или общеславянскую.

7. Во многихъ мѣстахъ изслѣдованія г. Будде мы находимъ ссылки на древнерусскіе памятники; къ сожалѣнію, авторъ, обнаруживши основательное знакомство съ нѣкоторыми изъ нихъ, недостаточно остороженъ въ своихъ выводахъ изъ различныхъ написаній, имѣющихъ графическій характеръ; иногда его замѣчанія показываютъ, что онъ не выработалъ себѣ ясныхъ пріемовъ пользованія свидѣтельствами памятника для разрѣшенія лингвистическихъ вопросовъ. На стр. 209 авторъ, на основаніи написанія бесѣдуе въ Рязанской кормчей 1284 г., дѣлаетъ выводъ о томъ, что уже съ XIII в. проникаетъ въ письменность сѣвернорусскихъ и среднерусскихъ памятниковъ твердый звукъ *т* въ окончаніи 3 л. ед. ч. наст. вр.; положеніе безспорно справедливое: мы имѣемъ нѣсколько грамотъ XIII в. съ окончаніемъ тъ въ 3 л. ед. ч., но оно ни въ коемъ случаѣ не можетъ основаться на написаніи бесѣдуе̑, такъ какъ подъ титла попадали въ русскихъ памятникахъ не только твердыя, но и мягкія согласныя (кн҃ѧ, ве̑, сто̑ныи, ко и т. п.).—На стр. 206 г. Будде приводитъ изъ сѣвернорусскихъ памятниковъ написанія съ *ѣ* въ закрытомъ словѣ передъ мягкой согласной (въздъхнѣть, поръвѣть, придѣть и др.); сообразуясь съ выводами Соболевскаго о звуковомъ значеніи такого *ѣ* въ подобныхъ написаніяхъ галицко-волынскихъ памятниковъ, авторъ предполагаетъ, что и въ указанныхъ имъ случаяхъ *ѣ* слѣдуетъ читать какъ дифтонгическое сочетаніе *іе*, явившееся изъ общерусскаго *е* долгаго передъ мягкой согласной. Онъ упускаетъ при этомъ изъ виду, что Соболевскій опирался въ своихъ выводахъ о значеніи *ѣ* въ галицко-волынскихъ памятникахъ на современныхъ живыхъ говорахъ малорусскихъ; между тѣмъ ни одинъ современный говоръ сѣверновеликорусскаго нарѣчія не даетъ намъ основанія предполагать

особое произношеніе звука *е* въ словахъ, какъ печь, камень, и звука *е* въ весь, день (изъ ь) или въ печи, вещи (въ открытомъ слогѣ). Своимъ поспѣшнымъ выводомъ г. Будде можетъ подорвать выводъ г. Соболевскаго: но къ счастію послѣдній основывался на дѣйствительныхъ явленіяхъ живого языка.—На стр. 203 авторъ найденную имъ въ памятникѣ XII вѣка, памятникѣ «сѣвернорусскомъ съ мѣной *ч* и *ц*», форму бываꙗть рѣшается сравнить съ современнымъ касимовскимъ произношеніемъ будять, сѣjат (съ долгими *а*): мнѣ не совсѣмъ ясно, что именно подлежитъ въ данномъ случаѣ сближенію, долгота ли касимовскаго *а* въ указанныхъ формахъ съ сочетаніемъ аꙗ въ памятникѣ XII в., или самые звуки: совр. *а (я)* и др.-русск. аꙗ. Но вѣдь извѣстно, что формѣ бываꙗть (насколько она засвидѣтельствована однимъ памятникомъ) въ касимовскомъ говорѣ соотвѣтствуетъ быва̄т (ср. стр. 34) и бывáт (стр. 45), т. е. съ стяженнымъ *а*, являющимся иногда съ долготой; между тѣмъ въ будят, сѣят не видимъ стяженія, и долгота гласной здѣсь иного происхожденія. А что касается самой гласной *а*, то она, согласно указаніямъ самого автора (стр. 76 — 77), явилась въ касимовскомъ говорѣ въ этихъ случаяхъ по общему закону объ аканіи (ср. капéяк, дéнях и сѣят, будят); въ виду этого сравнивать *я* въ будят, сѣят съ бываꙗть XII в. во всякомъ случаѣ неосторожно. Г. Будде сравниваетъ ниже моламъ 1 л. мн. въ Ряз. кормчей 1284 съ современными касимовскими формами вродѣ косям, моцам, носям: сравненіе, думается, крайне неудачное, въ виду того что моламъ слѣдуетъ почти съ увѣренностью признать опискою вм. молимъ. Что касается ꙗ въ бываꙗть или въ дѣлаꙗши (въ Поуч. Ефр. Сир. 1492), то это вѣроятно также не болѣе какъ описки, несмотря на сомнѣніе, высказанное по поводу такого же предположенія г. Соболевскаго нашимъ авторомъ (стр. 205). — Изъ числа случаевъ мѣны *ч* и *ц* въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтописи, приведенныхъ на стр. 173, слѣдуетъ исключить ци и аци, такъ какъ при вопросительномъ чи издавна было извѣстно и ци; написаніе полочьскѣ г. Будде правильно признаетъ за «мудр-

ствующее правописаніе, графическое явленіе»; но зачѣмъ же онъ приводитъ его въ доказательство смѣшенія *ч* и *ц* въ Лавр. лѣтописи? — На стр. 100 авторъ, въ доказательство смѣшенія звуковъ *о* и *а* въ рукописи Лѣтописи Аврамки, приводитъ форму Судокова; между тѣмъ онъ самъ приводитъ судо́къ вм. судакъ изъ казанскаго уѣзда, ср. др.-русское судокъ въ грамотахъ XV в.; очевидно при судакъ существовала, можетъ быть, даже болѣе древняя форма судокъ, причемъ судакъ южновеликорусскихъ говоровъ относится къ судокъ вѣроятно такъ же, какъ мещовск. сѣда́к, жиздр. хода́к относятся къ сѣдо́къ, ходо́къ другихъ говоровъ; далѣе изъ той же лѣтописи для доказательства того же явленія (достаточно впрочемъ засвидѣтельствованнаго написаніями какъ начевать, браталюбно, съ братамъ) приводится форма двожды вм. дважды. Г. Будде какъ будто упускаетъ изъ виду, что въ двожды о замѣнило ударяемое *а*: уже то обстоятельство, что при двожды существуетъ приводимое имъ скопинское трожди, ясно указываетъ, что мы имѣемъ при этомъ дѣло не съ фонетическимъ явленіемъ; двожды замѣнило дважды подъ вліяніемъ одинождьі (и одножды?) и основы дво—въ формахъ какъ двохъ, двомъ (ср. однажды подъ вліяніемъ дважды).—На стр. 182 дѣлается выводъ о томъ, что въ древней Псковской области былъ извѣстенъ звукъ γ (малор. *г*) на основаніи написаній, какъ осподарь, осподаря Псковской 2-ой лѣтописи: но такія написанія этихъ именно словъ извѣстны и изъ новгородскихъ памятниковъ и доказываютъ только, что звукъ γ существовалъ именно въ этомъ и другихъ ему подобныхъ словахъ, а не то, чтобы вообще звукъ γ замѣнилъ звукъ *г* въ данномъ говорѣ: ср. γ въ совр. московск. Господь, господинъ, Бога и др. (ср. тоже у Будде въ прим. къ 183 стр.).—Странно читать у изслѣдователя русскаго языка предположенія о томъ, что формы дожгя, дъжгемь, дъжгь Новгородской 1-ой, Псковской 2-ой лѣт. и другихъ памятниковъ восходятъ къ дождя, дъждь и объясняются переходомъ *д* мягкаго въ *г* мягкое; дождь это не русская форма, а церковнославянская и конечно не она легла въ основаніе русскихъ формъ

дож'ж'а, дож'дж'а, др.-русск. дъжгѧ; общерусскою формою надо, конечно, признать дъж'дж'а и въ виду этого діалектическое дъжгя всего вѣроятнѣе читать какъ дъжја, допуская, что г обозначаетъ въ написаніи дъжгѧ звукъ ј; параллельно съ измѣненіемъ ж'дж' въ жј, измѣнилось шч въ шј; памятники, изображающіе жј черезъ жг и черезъ ж (дъжгѧ и дъжа), передаютъ звуки шј буквой ш (кше, дворише), такъ какъ передача ихъ черезъ шг повлекла бы къ недоразумѣніямъ (шг было бы прочтено какъ жг, жј).—На стр. 169 г. Будде приводитъ написанія соѳьи, ѳевралѧ, ѳорѣмъ, стеѳанъ изъ Лавр. сп. лѣтописи, прибавляя, что лицо, писавшее рукопись, «навѣрное произносило не тѣ звуки, которые изображало» на письмѣ. Такъ какъ дѣло идетъ о произношеніи звука *ф* въ русскихъ говорахъ, мы останавливаемся въ совершенномъ недоумѣніи въ виду этого утвержденія автора: неужели на основаніи совр. діалектическихъ Сохья и хавра́ль, приводимыхъ ниже, возможно вслѣдъ за г. Будде читать *ѳ* въ соѳья, ѳевраль Лавр. списка, какъ *х*?—На стр. 260 авторъ приводитъ изъ Сильвестровскаго сборника XIV в. форму изламана въ доказательство того, что начало аканья надо допустить «задолго до XIV вѣка въ живомъ языкѣ»: но изламана правильно образовано отъ основы излама-(неопр. изламати) и не можетъ быть сопоставлено съ совр. діалектическимъ изла́ман, которое восходитъ къ изломáть (ср. ла́вють вм. ловятъ).

8. Къ достоинствамъ труда г. Будде слѣдовало бы отнести его нерѣдкія сопоставленія явленій русскаго языка съ явленіями другихъ родственныхъ языковъ—славянскихъ и прочихъ индоевропейскихъ, если бы при этомъ не замѣчались недостаточно обоснованныя замѣчанія и слишкомъ поспѣшные выводы. Такъ на стр. 131, по поводу касимовскаго сёкар (свекоръ), которое авторъ правильно объясняетъ, возводя къ формѣ свёкоръ, мы встрѣчаемся съ предположеніемъ о томъ, что въ общеслав. свéкъръ звукъ *в* вставленъ, какъ показываютъ родственныя socer лат., ἑκυρός греч., šešuras лит.; при этомъ зачѣмъ-то приводится сравненіе слав. сестра, лит. sesû (формы

безъ v) съ нѣм. schwester, гот. svistar. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что свекъръ и сестра восходятъ къ индоевроп. формамъ съ v; при этомъ лат. socer, soror несомнѣнно указываютъ на первоначальныя формы съ su̯e-. — На стр. 183 *д* церковнослав. формы дрѧздѣ (изъ Евген. пс. XI в., мѣс. ед. отъ дрѧзга) г. Будде рѣшается сопоставить съ *д* въ діалект. Динадій вм. Генадій, др.-русск. Дюрги вм. Гюрги: сопоставленіе это безусловно ошибочно, такъ какъ дрѧздѣ представляетъ измѣненіе группы зг въ зд передъ *ѣ* (изъ первонач. дифтонга), аналогичное съ измѣненіемъ ск въ ст и сц (июдѣистѣи) и одновременное съ переходомъ *г* и *к* въ s *(з)* и *ц* передъ такимъ же *ѣ*. — На с. 189 спорадическіе случаи, гдѣ вм. *х* находимъ въ современныхъ русскихъ говорахъ *к* (скади́ть, скарани́ли, пакърани́ли), сопоставляются не только съ случаями, какъ скима при схима, Колмогоры при Холмогоры, канъ при ханъ, но даже съ верхнелужицкимъ kh вм. *х*, являющимся, какъ извѣстно, по общему правилу въ началѣ словъ (khod, khłod, khvała и т. п.): г. Будде упускаетъ изъ виду, что верхнелужицкое kh вм. *х* обязано своимъ происхожденіемъ вліянію нѣмецкихъ говоровъ и, конечно, не даетъ основанія предполагать, чтобы уже въ общеслав. языкѣ произношеніе звука *х* приближалось къ *к*; болѣе чѣмъ неосторожно поступаетъ авторъ, сравнивая затѣмъ съ славянскимъ чередованіемъ *х* съ *к* и *kh* литовское *к*, въ соотвѣтствіи съ слав. *х*, въ словахъ, какъ klapas, kītras, dakadas и т. п.: эти слова несомнѣнно заимствованы въ литовскій языкъ изъ русскаго или польскаго языка. А между тѣмъ сопоставленіе случаевъ кажущагося колебанія между звуками *к* и *х* въ славянскихъ и литовскомъ языкахъ даетъ автору основаніе предположить для литовскославянской эпохи сочетаніе *кх* (откуда частью *к*, частью *х*), при чемъ *кх* возводится къ какому-то особенному индоевропейскому звуку, бывшему, можетъ быть, особаго рода звукомъ *s*! — На с. 93 *не* слова неводъ принимается авторомъ за предлогъ «не», отожествляемый съ лат. in: онъ упускаетъ изъ виду, что латинскому in фонети-

чески соотвѣтствуетъ славянскій предлогъ *въ* съ приставнымъ, передъ нѣкогда носовымъ *ъ*, звукомъ *в*. — На с. 279 г. Будде говоритъ о томъ, что «мы знаемъ двоякое *s* въ общемъ индоевропейскомъ языкѣ, и насъ убѣждаетъ въ существованіи двухъ видовъ звука *s* въ общемъ индоевроп. языкѣ исторія звука *s* въ различныхъ родственныхъ языкахъ» (далѣе приводятся: врьхъ, мѣхъ при лит. virszùs, máiszas, предполагаемое вьхъ при лит. visas и др.). Не лишнимъ было бы упомянуть, что двоякое *s* въ индоевроп. языкѣ предполагаетъ Ф. Θ. Фортунатовъ на основаніи случаевъ, гдѣ славянское *х* (изъ *s*) соотвѣтствуетъ литовскому sz.

9. Спѣшность работы г. Будде, отмѣченная уже выше, отразилась и на поспѣшности въ выводахъ автора. Особенно удивляетъ та легкость, съ которой онъ приходитъ къ предположеніямъ праязычныхъ формъ и звуковъ. На с. 95 касимовскія и сѣверновеликорусскія формы задóржка, держáть, задáрживать вм. задержка, держать другихъ говоровъ даютъ автору основаніе предположить для общеслав. языка при формахъ dьrg (ь неслоговой ирраціональный, r слоговое) формы съ dorg; по всей вѣроятности, dorg предположено по недосмотру вм. dъrg, такъ какъ изъ dorg мы ожидали бы въ русскомъ языкѣ дорог-, дорожу, а не держу. Но я нахожу, что и предположеніе общеслав. dъrg-, dъrž- не находитъ достаточнаго основанія въ формахъ какъ доржу, задоржка: гораздо осторожнѣе, не доходя до общеславянской эпохи, искать объясненія чередованія держ и дорж въ русскихъ говорахъ въ условіяхъ русской фонетики. Я думаю, что первоначальное дер[1]ж[1]-, измѣнившись въ дер[1]ж, по закону объ отвердѣніи *ж*, вызвало затѣмъ, послѣ ассимиляціи р[1] отвердѣвшему *ж*, произношеніе держ; отсюда въ нѣкоторыхъ говорахъ, а именно въ тѣхъ, гдѣ отвердѣніе *ж* и *ш* принадлежитъ болѣе отдаленной эпохѣ, — дёрж- (ср. появленіе лёжка, стёжка въ отдѣльныхъ говорахъ); это дёрж- сохраняется во многихъ совр. говорахъ и между прочимъ въ касимовскихъ (Будде, с. 94: дёржу, дёржыш и т. д.); въ нѣкоторыхъ говорахъ,

еще до полнаго отвердѣнія *ж* и *ш*, а именно въ такую эпоху, когда они были уже тверды передъ гласными *а, у, о*, оставаясь мягкими передъ *и, е* (гласными, смягчающими предшествующія согласныя), явилось чередованіе формъ какъ де̑ржу́ — де̑р'жит (нефонетически вмѣсто дер'жит), заде̑ршка, де̑ржат и де̑р'жиш (вм. дер'жиш). Когда вслѣдъ затѣмъ *ж* отвердѣло и въ положеніи передъ *е, и*, при чемъ вм. дёр'жит являлось дёр'жыт, его отвердѣніе вызвало не только отвердѣніе предшествующаго *р*, но и звука *д* въ предыдущемъ слогѣ: дёр'жит измѣнилось въ доржыт. Случаи ассимиляціи зубныхъ по мягкости или твердости въ двухъ рядомъ стоящихъ слогахъ очень нерѣдки въ русскомъ языкѣ: ср. стюдень, стюдёный вм. студень, студёный, діалект. нинѣ, тисяча вм. нынѣ, тысяча; ср. еще ассимиляцію даже по органамъ произношенія въ случаяхъ какъ чижóлый вм. тяжóлый. — На с. 111, на основаніи случаевъ колебанія между *ы* и *и* въ великорусскихъ говорахъ, такъ хорошо вообще различающихъ эти звуки, а также единичныхъ случаевъ смѣшенія буквъ *ы* и *и* въ нѣкоторыхъ старослав. памятникахъ (Зогр., Супр.), авторъ спѣшитъ съ выводомъ о томъ, что «совпаденіе звуковъ *ы* и *и* во всякомъ случаѣ доисторическое», что появленіе на мѣстѣ *ы* и *и* средняго звука между *ы* и *и* «принадлежитъ еще общеславянской эпохѣ, когда этотъ среднiй звукъ былъ явленіемъ, вѣроятно, діалектическимъ. Срв. нынѣшній сербскій, чешскій и русскій языки». Я увѣренъ, что авторъ безъ всякихъ колебаній согласится съ тѣмъ, что случаи смѣшенія *ы* и *и* въ великорусскихъ говорахъ отнюдь не могутъ свидѣтельствовать объ исконномъ колебаніи между этими звуками и о ихъ совпаденіи въ среднемъ звукѣ: этого средняго звука нельзя найти у великоруссовъ, и уже поэтому случаи колебанія *ы* и *и* въ отдѣльныхъ великорусскихъ словахъ нельзя объяснять особою близостью этихъ звуковъ: причины смѣшенія *ы* и *и* коренятся не въ самомъ этомъ звукѣ, а въ различныхъ окружающихъ ихъ условіяхъ; такъ напр. появленіе *ы* въ грыбъ, стрычь, крыкъ обязано отвердѣнію *р* въ группѣ согласныхъ *гр, стр, кр*.

Свидѣтельства же малорусскаго нарѣчія ни въ коемъ случаѣ нельзя сопоставлять, какъ это дѣлаетъ г. Будде, со свидѣтельствами чешскаго или сербскаго языковъ. Въ чешскомъ языкѣ согласныя до сихъ поръ мягки передъ первоначальнымъ *і*, въ сербскомъ же и малорусскомъ имъ соотвѣтствуютъ твердыя согласныя: слѣдовательно, чешскій языкъ не указываетъ на исконное совпаденіе звуковъ *ы* и *и* въ одномъ общемъ среднемъ звукѣ. Въ сербскомъ языкѣ передъ исконнымъ *и* сохранилась мягкость смягченныхъ еще въ общеслав. языкѣ согласныхъ *н, л* (њива, земљи): слѣдовательно, и здѣсь не было того измѣненія звука *и* въ направленіи къ *ы*, которое замѣчается въ малорусскомъ, гдѣ и первоначально смягченныя согласныя передъ такимъ среднимъ звукомъ отвердѣли. Въ сербскомъ языкѣ видимъ, что съ одной стороны передъ *і* не смягчились предшествующія согласныя, а что съ другой *ы* перешло въ *і*; въ малорусскомъ наблюдается измѣненіе звуковъ *ы* и *и* въ звукъ средній между ними, переходъ звуковъ ряда *ы* и звуковъ ряда *і* въ другой рядъ звуковъ. Слѣдовательно, только малорусскій языкъ могъ бы свидѣтельствовать объ общеслав. звукѣ, среднемъ между *ы* и *и*; но, конечно, свидѣтельства его недостаточно, тѣмъ болѣе что сравнительное изученіе русскихъ нарѣчій приводитъ къ неопровержимому выводу, что въ общерусскомъ языкѣ, и притомъ во всѣхъ его говорахъ, строго различались звуки *и* и *ы*. Автору, конечно, хорошо извѣстны приведенные здѣсь факты и соображенія: вотъ почему я сказалъ, что онъ слишкомъ поспѣшилъ съ вышеуказаннымъ выводомъ.

На с. 87 г. Будде, на основаніи касимовскаго исинью́ (въ значеніи осенью, ср. южно-ряз. асинью́), торопится предположить параллельное существованіе въ діалектахъ общерусскаго языка ѥсень при осень. Но существованіе произношенія ѥсень предполагаетъ и ѥзеро, ѥсетръ, ѥлень, ѥвинъ и т. п. въ русскихъ говорахъ: между тѣмъ такія формы совершенно неизвѣстны въ русскомъ языкѣ; это и дало основаніе древнѣйшимъ славистамъ считать измѣненіе је другихъ славянскихъ языковъ въ *о* харак-

теристичною особенностью русской семьи. Параллельное существованіе одного и едного (а подъ вліяніемъ едный — и единый), ёвня и овинъ, ёжъ и ожикъ ни въ коемъ случаѣ не можетъ доказать прарусской формы ксень, такъ какъ, согласно наблюденію Ф. Ѳ. Фортунатова, не всякое начальное је давало въ русскомъ языкѣ въ результатѣ своего измѣненія *о*, а только такое је, за которымъ слѣдовалъ слогъ съ гласной *е* или *і*. Я думаю, что гораздо проще объяснять рязанское исинью́ фонетически изъ асинью́, сопоставивъ это исинью́ съ произношеніемъ итчаво́, иднаму́, икая́нный, ибма́ншикъ, иддаду́ть и т. д. въ различныхъ южновеликорусскихъ говорахъ.

На с. 317, на основаніи произношенія дура́γў̆а при дура́ва (названіе растенія), авторъ спѣшитъ съ заключеніемъ о существованіи сочетанія γў̆ въ прарусскую эпоху въ положеніи въ серединѣ словъ между гласными. Конечно, этимологія слова дура́ва не ясна (и это въ особенности должно было предостеречь автора отъ заключенія къ прарусской эпохѣ), но если мы допустимъ, что при дурава существовало и дурагва съ гв, а не γў̆, то дурагва въ результатѣ явилось бы именно въ формѣ дураγў̆а въ касимовскомъ говорѣ, ср. в = ў̆ въ положеніи послѣ согласныхъ и между гласными (дў̆а, дў̆оя и т. д.).

Ограничиваюсь этими немногими замѣчаніями, выясняющими, почему въ пріемахъ и въ общемъ характерѣ разсужденій г. Будде кое-что не вполнѣ меня удовлетворило. Авторъ, надѣюсь, не сочтетъ эти замѣтки простыми придирками: я увѣренъ, что онъ заинтересованъ не только въ томъ, чтобы подѣлиться нѣкоторыми новыми наблюденіями и оригинальными выводами, а и въ томъ также, чтобы общими усиліями, руководимыми научнымъ методомъ, возсоздать то прошедшее нашего языка, которое должно объяснить его настоящее. Главные выводы автора, можетъ быть, не пострадали отъ погрѣшностей и недостатковъ метода изслѣдованія, но за то его книга, богатая фактами и мыслями, не можетъ быть надежнымъ руководствомъ для начинающихъ изслѣдователей.

II.

Въ этой части моего разбора я остановлюсь на нѣсколькихъ положеніяхъ автора, съ которыми не могу согласиться.

1) Седьмая глава 1-ой и четвертая глава 2-ой части изслѣдованія г. Будде посвящены шипящимъ и свистящимъ звукамъ въ касимовскихъ выговорахъ. Мы найдемъ здѣсь много новаго: автору удалось собрать весьма любопытный матеріалъ, и изъ него дѣлаются весьма цѣнные выводы. Впрочемъ я имѣю въ виду не тѣ четыре положенія, которыя формулированы авторомъ на стр. 261, а нѣкоторыя другія его обобщенія, менѣе рѣшительныя, но болѣе убѣдительныя. Изъ данныхъ, приводимыхъ г. Будде, видно, что въ Касимовскомъ и Спасскомъ уѣздахъ есть цокающія мѣстности (гдѣ вм. *ч* произносится *ц*, большею частью отвердѣвшее), чёкающія (гдѣ *ц* произносится какъ *ч*) и, наконецъ, такія мѣстности, гдѣ вм. *ч* и *ц* является среднiй звукъ между *ч* и *ц* (*ч* сходное съ *ц* или *ц* сходное съ *ч*). Этотъ же средній звукъ извѣстенъ и въ чёкающихъ мѣстностяхъ. Уже на стр. 121 авторъ, на основаніи того, что при цоканьѣ извѣстно и чёканье и средній звукъ, дѣлаетъ выводъ, что архаичными должны быть признаны тѣ говоры, гдѣ сохранился этотъ средній звукъ между *ц* и *ч*, при чемъ чёкающіе и цокающіе говоры представляютъ отклоненія отъ основного произношенія либо въ сторону *ч*, либо въ сторону *ц*. Я думаю, что это заключеніе г. Будде совершенно вѣрно, и жалѣю, что онъ не ограничился такимъ положительнымъ и наглядным выводомъ. Впрочемъ, естественнымъ представлялось бы обобщеніе такого заключенія, распространеніе его на всякіе чёкающіе и цокающіе говоры: въ основаніи такихъ говоровъ лежатъ говоры, имѣвшіе на мѣстѣ первоначальныхъ *ч* и *ц* средній звукъ между *ч* и *ц*. Понятно, что Е. Ѳ. сдѣлалъ это обобщеніе: предположенный нѣкоторыми изслѣдователями средній звукъ, не *ч* и не *ц*, найденъ имъ въ живомъ произношеніи и, конечно, предположенія теоретическаго характера по-

лучили теперь реальное основаніе. Но Е. Ѳ. идетъ дальше; на стр. 263 онъ пишетъ: «надо думать на основаніи свидѣтельства современныхъ русскихъ говоровъ и памятниковъ древней письменности, что въ прарусскомъ языкѣ были діалекты (ихъ было большинство), въ которыхъ звукъ *ц* былъ настолько мягокъ, что приближался къ звуку *ч* или наоборотъ (средній звукъ между *ч* и *ц*). . . .» Далѣе, на основаніи существованія, параллельно съ произношеніемъ средняго звука между *ч* и *ц*, произношенія средняго же звука между *ш* и *с* въ касимовскомъ говорѣ, а также въ виду дзеканья и джеканья (произношенія *д*, *т* какъ *дз*, *ц* или какъ *дж*, *тш*) въ томъ же говорѣ, при чемъ смѣшеніе *ш* и *с*, дзеканье и джеканье встрѣчается и въ древне-русскихъ памятникахъ, и въ современныхъ русскихъ говорахъ, г. Будде продолжаетъ приведенную выше фразу слѣдующимъ образомъ: «точно такъ же звукъ *з*, вѣроятно, приближался къ звуку *ж* (средній звукъ между *з* и *ж*); звукъ *с*—къ звуку *ш* (средній звукъ между *с* и *ш*); были особаго рода звуки *д'* и *т'*... Нѣкоторые изъ этихъ звуковъ, очевидно, принадлежали еще діалектамъ общеславянскаго языка». Вслѣдъ за тѣмъ приводятся доказательства, подтверждающія эти положенія: свидѣтельства памятниковъ, русскихъ говоровъ и славянскихъ нарѣчій. Я думаю, что автору не удалось доказать своего положенія: польскіе «мазуракающіе», словацкіе «шепелеватые» говоры, нѣкоторые говоры сербскаго языка и говоры средне-болгарскіе (ср. стр. 264) представляютъ дѣйствительно сходныя и однородныя явленія съ цоканьемъ, чёканьемъ и другими подобными явленіями русскаго языка, но въ виду того, что большинство русскихъ говоровъ и говоровъ другихъ славянскихъ нарѣчій не знаетъ всѣхъ этихъ явленій, гораздо вѣроятнѣе предположить, что они развились на почвѣ отдѣльной жизни всѣхъ этихъ языковъ. Впрочемъ, возможно, что уже въ общеславянскомъ языкѣ были говоры, измѣнившіе *ч* и *ц*, *с* и *ш* въ какіе-нибудь средніе звуки между *ч* и *ц*, между *с* и *ш*, но во всякомъ случаѣ невозможно установить генетической связи между такими говорами и указанными г. Будде го-

ворами современныхъ славянскихъ нарѣчій. А въ виду этого, ясно, что предполагая общеславянское діалектическое произношеніе средняго звука между *ч* и *ц* или между *с* и *ш*, мы не выходимъ изъ области предположеній, рѣшительно ничего не выясняющихъ въ дальнѣйшемъ развитіи славянскихъ нарѣчій: я даже думаю, что, взявъ болѣе ограниченную область языка, напр. одни русскіе говоры, мы поступили бы неосторожно, возводя касим. дзень, пошех. дзень, бѣлоз. дзень къ общерусскому діалектическому дзьнь. Дѣйствительно, переходъ $д^{1}$ въ $дз^{1}$ могъ явиться независимо во всѣхъ указанныхъ говорахъ и если бы даже въ общерусскомъ языкѣ діалектически уже являлось дзьнь, то связать генетически такіе общерусскіе говоры непремѣнно съ касимовскими, пошехонскими, бѣлорусскими врядъ ли представлялось бы возможнымъ. Но предположить на основаніи бѣлор. и великор. дзень и польск. dzień общеславянское діалектическое dzьnь врядъ ли рѣшится какой-нибудь изслѣдователь: въ общеслав. языкѣ нельзя даже допустить полнаго смягченія *д* въ случаяхъ какъ дьнь (ср.серб. дан, чешск. deň), а тѣмъ менѣе слѣдующаго за тѣмъ измѣненія d^{1} въ dz^{1}. И такъ, мы видимъ, что *дз* въ польскомъ и русскомъ языкахъ развились независимо другъ отъ друга; отсюда заключаемъ, что и въ отдѣльныхъ говорахъ русскаго языка дзеканье могло развиваться совершенно самостоятельно. На стр. 270 г. Будде даетъ новую формулировку своему положенію относительно средняго звука между *ч* и *ц* въ исторіи русскаго языка. Если на стр. 263 утверждалось, что лишь въ большинствѣ говоровъ прарусскаго языка на мѣстѣ *ч* и *ц* являлся средній звукъ между *ч* и *ц*, то здѣсь говорится уже, что «во всемъ русскомъ языкѣ, т. е. на всемъ его пространствѣ, но діалектически не во всѣхъ его говорахъ, хотя въ большинствѣ говоровъ, были извѣстны звуки средніе между *ч* и *ц*, откуда съ теченіемъ времени въ однихъ говорахъ развилось мягкое *ц* и мягкое *ч* въ словахъ, гдѣ былъ звукъ средній... въ другихъ говорахъ осталось мягкое *ц*, между тѣмъ какъ *ч* начало твердѣть (малорус. нарѣчіе); въ третьихъ — дѣло было наоборотъ: *ц* начало твердѣть, а *ч* оста-

валось мягкимъ (ювр.); въ четвертыхъ, наконецъ, сохранились звуки средніе, шепелеватые, и эти говоры нужно признавать архаичными». Мысль автора не ясна: вѣроятно, онъ хотѣлъ сказать, что въ говорахъ, гдѣ *ч* и *ц* не совпали въ среднемъ звукѣ, они продолжали различаться, при чемъ въ однихъ изъ нихъ отвердѣло *ч*, въ другихъ *ц*; среди же говоровъ, измѣнившихъ *ч* и *ц* въ средній звукъ, одни продолжаютъ сохранять этотъ средній звукъ, а другіе измѣнили его въ мягкія *ч* и *ц*. Но въ такомъ случаѣ авторъ въ своемъ обзорѣ судьбы звуковъ *ч* и *ц* обнялъ всѣ говоры русскаго языка: непонятно, почему онъ говоритъ о «большинствѣ говоровъ»; кромѣ того, говоры, сохранившіе средніе звуки между *ч* и *ц*, названы имъ архаичными вообще, между тѣмъ они архаичны лишь относительно тѣхъ говоровъ, гдѣ средніе звуки измѣнились въ *ч* и *ц* мягкія. Московскій говоръ, гдѣ *ч* и *ц* различаются до сихъ поръ, представляется болѣе архаичнымъ, чѣмъ касимовскій, гдѣ вм. *ч* и *ц* находимъ средній звукъ, оставляя даже въ сторонѣ то обстоятельство, что этотъ средній звукъ успѣлъ уже частью измѣниться въ *ч* и *ц* мягкія (отчасти уже и отвердѣвшія). Мнѣ положительно сдается, что г. Будде большинство русскихъ говоровъ возводитъ къ такимъ, въ которыхъ на мѣстѣ *ч* и *ц* явился средній звукъ между *ч* и *ц*: если это такъ, Е. Ѳ. рѣшительно ошибается, такъ какъ вывести говоры, различающіе согласно этимологіи звуки *ч* и *ц* (а такихъ говоровъ весьма много, какъ въ малорусской, бѣлорусской, такъ и въ великорусской семьѣ), изъ говоровъ, гдѣ *ч* и *ц* совпали въ одномъ среднемъ между ними звукѣ, совершенно немыслимо. Спорадическіе случаи колебанія между *ц* и *ч*, наблюдаемые, по словамъ автора, почти во всѣхъ русскихъ говорахъ, приводятся имъ (стр. 270, 280, 285) въ доказательство того, что средніе звуки между *ч* и *ц* принадлежали громадному большинству говоровъ прарусскаго языка, если не всему ему. Къ такимъ спорадическимъ случаямъ относятся чепь при цѣпь, др.-русск. коць (епанча) при кочь, малор. цурайся при чурайся и, можетъ быть, еще нѣкоторыя слова, извѣстныя автору, но имъ не приведенныя. Я

думаю, что если бы г. Будде удалось указать даже десятокъ подобныхъ случаевъ, они все таки не могли бы свидѣтельствовать объ исконномъ колебанiи звуковъ *ч* и *ц* на всемъ пространствѣ русскаго языка: то обстоятельство, что въ настоящее время сохранилось различiе между *ч* и *ц* въ большинствѣ русскихъ говоровъ гораздо яснѣе доказываетъ положенiе совершенно противоположное тому, къ которому пришелъ авторъ. Спорадическiе же случаи смѣшенiя *ч* и *ц* могутъ объясняться частью заимствованiями изъ другихъ говоровъ, частью же этимологическимъ колебанiемъ обоихъ звуковъ: такъ чепь при цѣпь восходятъ вѣроятно къ разнымъ словамъ, можетъ быть и не родственнымъ по происхожденiю, ker- откуда čer- (др.-рус. чепь, съчепитъ) и kěr- откуда cěr- (цѣпь, цѣпкiй).

Всѣ эти замѣчанiя приводятъ насъ къ убѣжденiю, что г. Будде слишкомъ поторопился распространить открытые имъ среднiе звуки между *ч* и *ц* на всю область русскаго языка и даже славянскихъ языковъ въ ихъ прошломъ. Цѣнный выводъ, сдѣланный имъ на стр. 121, совершенно затемненъ послѣдующими разсужденiями.

2) Все то, что сказано выше по поводу предположенiя среднихъ звуковъ между *ч* и *ц*, еще въ бо́льшей степени приложимо къ другому предположенiю автора, упомянутому уже раньше, а именно, что общеславянскiй и прарусскiй языки имѣли среди своихъ говоровъ такiе, гдѣ на мѣстѣ *с* и *ш* были извѣстны среднiе между ними звуки. На стр. 263 читаемъ: «при допущенiи этой мысли нѣкоторые древне-русскiе говоры, какъ напр., древне-псковскiй говоръ, станутъ для насъ понятными и не будутъ занимать какого-то исключительнаго положенiя среди другихъ русскихъ говоровъ». Нельзя не возразить на это слѣдующаго: наука о русскомъ языкѣ обязана г. Соболевскому нѣкоторыми важными открытiями именно по тому, что онъ не прибѣгалъ къ такимъ обобщенiямъ, какiя, къ сожалѣнiю, встрѣчаются мѣстами у г. Будде. Встрѣтивъ въ нѣкоторыхъ памятникахъ колебанiе *е* и *ѣ*, ограниченное извѣстными условiями, опредѣленнымъ по-

ложеніемъ въ словѣ, онъ не предположилъ, что тѣ же условія найдутся и во всѣхъ другихъ памятникахъ, и не смѣшалъ *предполагаемой* силы доказательства, представляемаго единичными случаями колебанія *е* и *ѣ* въ большинствѣ русскихъ памятниковъ, съ тою *дѣйствительною* доказательною силою, которую имѣютъ случаи систематическаго чередованія между этими буквами. Въ результатѣ оказалось, что только памятники галицко-волынской области систематически употребляютъ въ извѣстныхъ случаяхъ *ѣ* вм. *е*, а это повело къ убѣжденію, что въ такихъ памятникахъ сохранились слѣды древнѣйшихъ малорусскихъ говоровъ. Изслѣдуя другія рукописи, а именно группу псковскихъ памятниковъ, тотъ же изслѣдователь замѣтилъ въ нихъ постоянное смѣшеніе буквъ *ш* и *с*, *з* и *ж*: онъ не увлекся предположеніемъ, что напалъ на черту общерусскаго языка, прарусской эпохи; онъ остановился на болѣе скромномъ предположеніи, что эта черта мѣстная, діалектическая; и когда такихъ чертъ набралось нѣсколько, изслѣдователь предложилъ намъ характеристику древне-псковскаго говора. Указанія Соболевскаго на совершенно исключительное положеніе этого говора среди другихъ древне-русскихъ говоровъ нельзя опровергнуть такими общими разсужденіями, какія мы встрѣтили въ разбираемомъ отдѣлѣ книги г. Будде: надо было указать факты, доказывающіе, что и въ другихъ русскихъ памятникахъ, принадлежащихъ не сѣверо-западной области, встрѣчается мѣна *с*, *з*, и *ш*, *ж* и другія подобныя явленія. Изслѣдованіе Е. Ѳ. приводитъ насъ къ убѣжденію, что смѣшеніе *с*, *з* съ *ш*, *ж*—діалектическая черта несравненно менѣе распространенная, чѣмъ смѣшеніе *ч* и *ц*, и тѣмъ не менѣе онъ дѣлаетъ относительно среднихъ звуковъ между *с*, *з* и *ш*, *ж* тѣ же заключенія, что относительно средняго звука между *ц* и *ч*, а именно о томъ, что они существовали діалектически уже въ прарусскую эпоху, а на стр. 281—282 видимъ попытку возвести эти звуки къ общеславянскому и даже литовскославянскому языку, на томъ основаніи, что, напр. въ словѣ зима, звукъ *з* въ различныхъ славянскихъ языкахъ «не вездѣ одинаковой мягкости,

а литовскій языкъ прямо указываетъ на то, что въ немъ этотъ звукъ былъ полученъ съ большей мягкостью, чѣмъ въ славянскихъ языкахъ (žëmà)»! На стр. 279 авторъ, находя въ родственныхъ со славянскими языкахъ то же явленіе (колебаніе между *с*, *з* и *ш*, *ж*), говоритъ, что «до извѣстной степени его можно возводить къ общему индоевроп. праязыку», при чемъ въ подтвержденіе такого предположенія приводится существованіе двоякаго *s* въ общемъ индоевр. языкѣ! Я рѣшительно отказываюсь отъ подробнаго опроверженія всего этого ряда сопоставленій и гипотезъ: думаю, что для общеславянскаго языка надо принимать существованіе рѣзкаго отличія между звуками *z*, *s* и *ž*, *š* и что смѣшеніе этихъ звуковъ въ нѣкоторыхъ русскихъ говорахъ возникло сравнительно въ позднѣйшее время. Можетъ быть, впрочемъ, общеслав. *s* изъ *х* передъ *и*, *ѣ*, а также послѣ гласныхъ передненёбнаго ряда въ случаяхъ какъ дуси, дусѣ, вьсь звучало какъ-нибудь иначе, чѣмъ другое *s*: ср. переходъ такого *s* въ *š* въ западно-славянскихъ языкахъ, но конечно предположенное существованіе двоякаго рода *s* въ общеслав. языкѣ не можетъ имѣть ничего общаго съ двоякимъ *s* въ индоевроп. языкѣ или съ позднѣйшимъ смѣшеніемъ его въ отдѣльныхъ слав. нарѣчіяхъ. Г. Будде придаетъ и въ данномъ случаѣ болѣе значенія спорадическимъ случаямъ смѣшенія *с*, *з* съ *ш*, *ж*, чѣмъ имъ придавали до сихъ поръ: но едва ли колебаніе этихъ звуковъ въ словахъ какъ Суждаль при Суздаль, шаберъ при сяберъ, жемчугъ при земчугъ можетъ доказывать *общее* смѣшеніе ихъ въ въ какомъ бы то ни было нарѣчіи и въ какую бы то ни было эпоху.

3) Въ 5-ой главѣ II части и тѣсно связанной съ нею 8-ой главѣ I части г. Будде останавливается на зубныхъ согласныхъ касимовскихъ говоровъ. Наиболѣе оригинальною чертою оказывается измѣненіе мягкихъ *т* и *д* въ *ц* и *дз*, при діалектическихъ *тш* и *дж* (дзень, гаспоць, ниджѣля, тшягла́). На стр. 289 и 292 видимъ обзоръ подобныхъ же измѣненій въ другихъ русскихъ говорахъ: авторъ находитъ *дз* и *ц* изъ *д* и *т* не только въ бѣлорусскихъ говорахъ, но также въ нѣкоторыхъ малорус-

скихъ и великорусскихъ говорахъ; особенно распространено это явленіе въ области сѣверновеликор. нарѣчія; на основаніи данныхъ, приводимыхъ изъ Очерковъ по діалектологіи Соболевскаго, а также изъ статьи Даля о нарѣчіяхъ и изъ Очерка Колосова, мы узнаемъ, что *дз* и *ц* слышится не только въ Псковской, но также въ Тверской, Ярославской, Новгородской и Владимирской губерніяхъ. Въ области южновеликорусскихъ говоровъ тѣ же звуки отмѣчены между прочимъ и въ Рязанской губерніи: въ виду всего этого я не понимаю, почему, «съ открытіемъ такихъ звуковъ въ касимовскихъ говорахъ, должны нѣсколько» видоизмѣниться «наши прежнія представленія относительно консонантизма русскихъ нарѣчій вообще» (стр. 289). Впрочемъ, г. Будде разъясняетъ свою мысль на стр. 292—299, гдѣ находимъ отступленіе историческаго характера, выясняющее его взглядъ на исторію касимовскаго говора и на его мѣсто въ средѣ прочихъ русскихъ говоровъ. Здѣсь эта черта консонантизма касимовскаго говора возводится въ основную черту при дѣленіи русскихъ говоровъ на первоначальныя группы. Вмѣсто прежняго дѣленія ихъ на окающіе и акающіе, признаннаго не историческимъ и даже не научнымъ (стр. 293), предлагается дѣлить русскіе говоры на три діалектическія единицы: на говоры «шепелеватые (т. е. говоры съ средними звуками — самые древніе), на полу шепелеватые (имѣвшіе лишь средніе звуки между ц и ч, т. е. цокающіе и чёкающіе) и говоры не шепелеватые, пошедшіе отъ діалектической группы, различавшей звуки ч и ц, с' и ш, з' и ж и проч., или въ самомъ праруcскомъ языкѣ утратившей средніе звуки» (стр. 298). Эти слова автора въ существенной степени дополняютъ все то, что имъ сказано въ предшествующей (7-ой главѣ II части) главѣ объ исторіи среднихъ звуковъ въ русскомъ языкѣ. Здѣсь мы находимъ уже рѣшительное утвержденіе, что говоры со средними звуками между *ч*, *ш*, *ж* и *ц*, *с*, *з*, по этой ихъ фонетической чертѣ, должны, быть признаны самыми древними; здѣсь же видимъ ясно высказанное предположеніе о томъ, что говоры, раз-

личающіе *ч*, *ш*, *ж* отъ *ц*, *с*, *з*, могутъ быть возводимы къ такой діалектической группѣ, гдѣ это различіе явилось лишь позже (хотя и на прарусской почвѣ). Но ни утвержденіе автора о бо́льшей древности шепелеватыхъ говоровъ, ни приведенное предположеніе его нельзя признать убѣдительными: всякій изслѣдователь согласится съ тѣмъ, что различеніе, этимологически вѣрное, звуковъ *ч*, *ш*, *ж* и *ц*, *с*, *з* черта бо́льшей древности, чѣмъ смѣшеніе обоихъ рядовъ въ одномъ рядѣ среднихъ звуковъ; никто вмѣстѣ съ тѣмъ не рѣшится вслѣдъ за авторомъ предположить, что говоры со средними звуками могли (хотя бы и въ прарусскую эпоху) перейти въ говоры, различающіе оба ряда *ч*, *ш*, *ж* и *ц*, *с*, *з* этимологически вѣрно. Обращаясь къ предложенному авторами дѣленію русскихъ говоровъ, читаемъ, что шепелеватые говоры составляютъ по своему историческому происхожденію приблизительно одну группу (стр. 293). Въ настоящее время эта группа говоровъ оказывается, по указанію автора, разсѣянной на громадномъ пространствѣ, но нѣкогда границы этой группы опредѣлялись Окой, верховьями Волги, Двины, Днѣпра, Сожи, Десны (стр. 293). Далѣе авторъ изъ нѣсколькихъ мѣстъ Повѣсти вр. лѣтъ выводитъ заключеніе, что преданіе связывало особымъ родствомъ древлянъ, полянъ, радимичей и вятичей съ ляхами (стр. 295) и что это преданіе основывалось на какихъ-то отдаленныхъ воспоминаніяхъ о близости языка и обычаевъ этихъ «словѣнъ» къ языку и обычаю «словѣнъ», сѣвшихъ по рѣкѣ Вислѣ. Мысль автора и вся его аргументація настолько для меня не ясны, что не рѣшаюсь опровергать всѣхъ этихъ положенія. Замѣчу только, что, если г. Будде настаиваетъ на какой-то особенной близости шепелеватыхъ говоровъ съ говорами польскими, то ему не зачѣмъ было указывать на сохранившееся, по его мнѣнію, въ лѣтописи преданіе о родствѣ не только вятичей (родоначальниковъ при-окскихъ говоровъ, согласно автору, ср. стр. 298), но и прочихъ русскихъ племенъ съ ляшскими (?). Оставляя поэтому древлянъ, полочанъ, кривичей и прочія племена въ сторонѣ, мы остановимся на предположеніи о

томъ, что при-Окскіе (а между ними и касимовскіе) говоры нужно вести отъ древняго говора той части «словѣнъ», которую, по преданію, привелъ на новыя мѣста какой-то Вятко, происходившій изъ рода ляховъ (= словѣнъ привислянскихъ). Въ этомъ предположеніи автора заключается несомнѣнный историческій фактъ: при-Окскіе говоры восходятъ къ говору вятичей, сидѣвшихъ, какъ извѣстно, на Окѣ; но разумѣется, лингвисту не зачѣмъ настаивать на преданіи о происхожденіи вятичей отъ ляховъ, тѣмъ болѣе что его слѣдуетъ, можетъ быть, понимать только такъ, что вятичи и радимичи пришли на Оку съ запада. Я нахожу очень вѣроятнымъ предположеніе автора о томъ, что касимовскіе говоры—это остатки древняго говора вятичей, но не могу согласиться съ тѣмъ, чтобы близость касимовскихъ говоровъ къ западнорусскимъ объяснялась такъ, что западные края Россіи были заселены выходцами съ Оки, т. е. чтобы вятичи, явившіеся на Оку съ запада, снова двигались на западъ (ср. стр. 284). Болѣе вѣроятнымъ представляется другое мнѣніе автора объ особой близости касимовскихъ говоровъ съ вятскими и о заселеніи Вятскаго края выходцами изъ при-Окскихъ мѣстностей; на немъ я остановлюсь ниже, въ III части этого разбора. Въ виду всего вышесказаннаго, мы видимъ, что авторъ не привелъ ни одного убѣдительнаго даннаго въ пользу предположенія, что всѣ дзекающіе русскіе говоры восходятъ къ одной общей діалектической группѣ: напротивъ, уже то обстоятельство, что и въ малорусскомъ нарѣчіи мы найдемъ такіе говоры, дѣлаетъ вѣроятнымъ, что дзеканье, сравнительно позднее явленіе, развивалось независимо въ различныхъ частяхъ русской рѣчи. Вотъ почему дѣленіе автора русскихъ говоровъ на шепелеватые, полушепелеватые и нешепелеватые не выдерживаетъ критики; гораздо правильнѣе признать аканье и оканье существенными признаками при дѣленіи русскихъ говоровъ. Дѣйствительно, въ группу акающихъ говоровъ попадаютъ такіе говоры, общее происхожденіе и исконное родство которыхъ несомнѣнно: вспомнимъ, напримѣръ, что бѣлорусскіе и южно-великорусскіе говоры акающіе, одно-

временно съ этой чертой вокализма, представляютъ рядъ другихъ, каковы напр. γ вм. сѣверновеликорусскаго г, т мягкое въ 3 л. ед. и мн. ч. вм. т твердаго сѣверновеликор. говоровъ и др. Касимовскіе говоры, гдѣ рядомъ съ аканьемъ уживаются черты сѣверновеликорусскія (г вм. γ, тъ вм. ть, смѣшеніе ч и ц и др.), ни въ коемъ случаѣ не могутъ противорѣчить указанному дѣленію уже потому, что ихъ, вслѣдъ за г. Будде, надо признать смѣшанными говорами: въ основѣ ихъ лежатъ говоры сѣверновеликорусскіе, подвергшіеся сильному вліянію южныхъ, акающихъ говоровъ.

4) На стр. 299—300 мы находимъ небольшой экскурсъ по поводу касимовскаго произношенія «тьвѣ̆г» вм. цвѣтъ. Отмѣтивъ, что въ южной группѣ славянскихъ языковъ въ этомъ и другихъ родственныхъ словахъ является *ц*, а во всей западной группѣ звукъ *к*, г. Будде указываетъ, что въ русскомъ языкѣ на мѣсто этихъ звуковъ мы встрѣчаемъ діалектическія *ц*, *ч*, *т*, *с*, *к*. Первые четыре звука восходятъ по мнѣнію автора къ среднимъ звукамъ между *ч* и *ц*, а *к* отражаетъ первоначальное *к*. Далѣе высказывается предположеніе, основанія котораго мнѣ совершенно неясны: та діалектическая группа прарусскаго языка, гдѣ являлись средніе звуки между *ч* и *ц*, представляла произношеніе цвѣтъ-чвѣтъ съ средними звуками вм. *ч*, *ц*; напротивъ, та группа, гдѣ было извѣстно различіе звуковъ *ч*, *ш*, *ж* и *ц*, *с*, *з*, должна была имѣть произношеніе квѣтъ. Если это такъ, то почему же московское нарѣчіе, различающее указанные звуки, имѣетъ цвѣтъ, а не квѣтъ? Кромѣ того, откуда вообще въ русскихъ нарѣчіяхъ произношеніе цвѣтъ съ *ц*, тожественнымъ съ *ц* южнославянскихъ языковъ, если говоры, сохранившіе первоначальное *ц*, не смѣшавшіе его съ *ч*, получили исконно произношеніе квѣтъ? Я думаю, что во всякомъ случаѣ осторожнѣе предположить, что общерусскій языкъ имѣлъ въ различныхъ своихъ діалектахъ произношеніе квѣтъ и цвѣтъ, при чемъ цвѣтъ въ говорахъ, замѣнившихъ *ч* и *ц* средними звуками, измѣнилось въ цвѣтъ-чвѣтъ съ средними звуками между

ч и *ц*. Впрочемъ, для меня пока еще неясно, можемъ ли мы предполагать діалектическое сохраненіе *кв* передъ *ѣ*, *и*, *ь* въ русскихъ говорахъ; не настаивая на этой мысли, я рѣшаюсь предположить, что *кв* въ квѣтъ въ однихъ говорахъ (малорусскихъ, бѣлорусскихъ) является подъ вліяніемъ польск. kwiat, а въ другихъ (сѣверно- и южновеликорусскихъ) оно восходитъ, черезъ посредство к'в, къ т'в (ср. діалект. твѣтъ) изъ *цв*; ц'в' измѣнилось въ т'в въ то время, когда явился законъ объ отвердѣніи *ц*; ц'в' не переходило въ цв' вслѣдствіе вліянія *в* мягкаго на предшествующій звукъ, вліянія, поддерживавшаго мягкость *ц* и въ результатѣ имѣвшаго слѣдствіемъ измѣненіе его въ *т* мягкое, а діалектически въ *с* мягкое (свѣтъ).

5) На стр. 311 мы встрѣчаемся со слѣдующими утвержденіями автора: «конечные согласные звонкіе едва ли не въ первые вѣка исторіи русскаго языка, тотчасъ послѣ исчезновенія глухихъ *ъ* и *ь*, стали въ извѣстной части говоровъ русскаго языка (а можетъ быть, и во всѣхъ говорахъ русскаго языка) произноситься глухо, т. е. *в* переходило въ *ф*, *з* — въ *с* и проч.». Я не сталъ бы останавливаться на этомъ положеніи автора, если бы во 1-ыхъ онъ не прибавилъ въ скобкахъ: «а можетъ быть, и во всѣхъ говорахъ русскаго языка», во 2-ыхъ, если бы на стр. 312 мы не встрѣтили совершенно противоположнаго утвержденія; а именно здѣсь говорится о томъ, что «мы должны допустить существованіе такого періода времени, когда конечные звонкіе согласные и послѣ исчезновенія *ъ* и *ь* звучали, не переходя въ глухіе согласные». Нѣтъ никакого сомнѣнія, что правда высказана авторомъ не на 311-й, а на 312-й страницѣ. Дѣйствительно, малорусскіе, а также нѣкоторые великорусскіе говоры до сихъ поръ сохраняютъ конечные согласные звонкими (суд, мёд не сут, мёт), являясь въ этомъ случаѣ архаичнѣе большинства великорусскихъ, а также бѣлорусскихъ говоровъ, гдѣ уже совершилось измѣненіе звонкихъ согласныхъ въ глухія. Ассимиляція звонкихъ согласныхъ глухимъ, о которой говоритъ г. Будде, напр. въ случаяхъ бес печали, ис корабля, ни въ коемъ случаѣ не доказываетъ

потери *конечными* согласными своей звонкости, не говоря уже о томъ, что собственно без, из, възъ и другіе подобные предлоги могли быть получены еще въ общеславянскомъ языкѣ безъ конечнаго *ъ*. Въ виду всего этого авторъ правъ, когда находитъ возможнымъ неслоговое *ў* въ діалект. годоў, короў возводить къ звуку *в*, еще не измѣнившемуся, вслѣдствіе своего положенія въ концѣ слова, въ *ф*. Впрочемъ, можетъ быть, вопросъ о появленіи неслогового *у* въ этихъ и другихъ подобныхъ случаяхъ (какъ дѣўка) надо совершенно отдѣлять отъ вопроса о чередованіи звонкихъ и глухихъ согласныхъ. Изслѣдованіе г. Будде, какъ мы еще разъ укажемъ ниже, весьма убѣдительно доказываетъ возможность того, что кароў, дѣўка восходятъ къ такимъ общерусскимъ (можетъ быть, діалектическимъ) формамъ, гдѣ ў или W, а не *в*, звучало еще передъ *ъ*: кароўъ, дѣўъка, ср. совр. ў вм. в въ положеніи передъ гласными (залóўак, ўóрах, ўля́т и т. д.).

6) Страницы 227—234 посвящены интересному вопросу о появленіи звука *а* (*я*) изъ *и* въ касимовскихъ говорахъ. Съ первыхъ же строкъ своего изслѣдованія объ этомъ явленіи, г. Будде утверждаетъ, что «касимовскія формы въ родѣ да́ля, сѣ́яля (вм. дали, сѣяли) и под. съ конечнымъ гласнымъ звукомъ 'аᵉ, т. е. звукомъ, который по произношенію колеблется между *а* и *е*, слышится, какъ очень широкое *е*, имѣютъ для себя соотвѣтствія въ формахъ древне-русскаго языка, изображавшихся на письмѣ съ буквою *ѣ* въ концѣ причастныхъ формъ множ. числа на — лъ». Вѣроятно, авторъ тутъ же упустилъ изъ виду, что это не болѣе, какъ предположеніе, пока еще ничѣмъ не доказанное, потому что вслѣдъ за приведенной фразой онъ дѣлаетъ выводъ о томъ, что конечное *ѣ* этихъ древнерусскихъ формъ означало звукъ открытый, а не закрытый, основываясь при этомъ на указанномъ діалектическомъ произношеніи этихъ формъ въ современномъ русскомъ языкѣ. Я рѣшительно не понимаю, почему мы должны отожествлять совр. южновеликор. даля, ходиля съ написаніями далѣ, ходилѣ нашихъ древнихъ памятниковъ; не вижу основанія допустить фонетическій переходъ конечнаго звука *и* въ *я* че-

резъ посредство *е* въ эпоху предшествующую аканью (ср. стр. 228 и 229); не могу допустить сопоставленія такихъ формъ съ есмя, дворяня (стр. 230), такъ какъ здѣсь *я* восходитъ къ *е*, а не къ *и*. Но всего менѣе ожидалъ я встрѣтить у г. Будде, рядомъ съ указаннымъ фонетическимъ объясненіемъ даля (далѣ) изъ дали, предположеніе о возможности вліянія на формы какъ далѣ, ходилѣ формы глагола ѥсмь—ѥсмꙑ, при чемъ, несмотря на это вліяніе «въ основѣ своей, все таки, это вліяніе фонетическое». Приводимые ниже примѣры показываютъ, что авторъ предполагаетъ, что «отдали есме» перейдя «въ отдали есмя» измѣнялось затѣмъ въ «отдаля есмя», при чемъ отдаля вм. отдали обязано вліянію есмя; «отдаля есмя» вызвало затѣмъ «отдаля есте» и въ 3 л. мн. «отдаля». Не говоря уже о совершенной невѣроятности вліянія формы есмя на форму причастій, противъ этого ясно говорятъ самыя написанія, приводимыя г. Будде: есмя спустилѣ, взялѣ есмя и т. д.; если-бы въ есмя и взялѣ въ концѣ слова слышался одинъ и тотъ же звукъ, онъ, конечно, былъ бы выраженъ не двумя различными буквами, а одною и тою же. Не скажу, чтобы мнѣ было совершенно ясно происхожденіе древнерусскихъ причастныхъ формъ на—лѣ, не утверждаю, чтобы вопросъ о происхожденіи конечнаго *я* вм. *и* въ южновелик. говорахъ былъ бы простъ для разрѣшенія, но, къ сожалѣнію, долженъ признать, что г. Будде нисколько не приблизилъ насъ къ желательной истинѣ. Я думаю, что осторожность требуетъ отъ изслѣдователя: 1) отказаться отъ сопоставленія др.-русскихъ формъ далѣ, взялѣ съ совр. даля, взяля, 2) остаться при объясненіи А. И. Соболевскаго причастныхъ формъ на—лѣ, т. е. видѣть въ нихъ нефонетическую замѣну и черезъ *ѣ* подъ вліяніемъ чередованія формъ вин. мн. моѣ, князѣ, конѣ, мужѣ съ формами им. мн. мои, князи, кони, мужи, 3) допустить фонетическій переходъ еще въ эпоху великобѣлорусскаго единства конечнаго неударяемаго *е* (очень открытаго еще въ общерусск. языкѣ въ этомъ именно положеніи) въ *я*, что должно объяснить формы какъ естя, есмя, спитя и т. д., 4) пермское окончаніе дат. твор. мн. на *мя* (тѣмя,

всемя, аленькимя) толковать такъ же какъ окончаніе *мя* въ совр. литер. двумя, т. е. видѣть здѣсь результатъ вліянія формъ съ окончаніемъ *ми* на основное окончаніе (по происхожденію двойств. числа) *ма*, 5) касимовскія да́ля, сѣ́яля, мосал. куса́ля, касим. дѣхькя (им. мн.), яди́м са́мя, з двумя́ с рибя́тъмя объяснять фонетически изъ дали, дѣфьки и т. д., ср. съ этимъ: ба́рян, павойняк, уря́дьняк, про́лял въ тѣхъ же говорахъ.

7) На стр. 216—220 мы встрѣчаемся съ оригинальнымъ взглядомъ автора на окончанія *ой*, *ей* при *ый*, *ій* им. вин. ед. ч. именъ прилагательныхъ. Онъ утверждаетъ, что великорусскіе говоры или даже «та часть общерусскаго языка, изъ которыхъ выдѣлились будущіе великорусскіе говоры, должно быть, никогда не знала именъ прилагательныхъ муж. рода въ имен. п. ед. ч. въ опредѣленной формѣ съ другимъ окончаніемъ, кромѣ—*ой*, *ей* (изъ *ъи*, *ьи*)! До сихъ поръ большинство изслѣдователей объясняло наши слѣпо́й, криво́й изъ предполагаемыхъ слѣпый, кривый, сопоставляя съ такимъ измѣненіемъ *ый* въ *ой* переходъ мыю, крыю и т. п. въ мою, крою. До сихъ поръ въ наукѣ держится мнѣніе, что общерусскими формами им. вин. падежа надо признать не слѣпъи, кривъи, а слѣпый, кривый; особенно ясно указываютъ именно на такія общерусскія формы бѣлорусское и малорусское нарѣчія, не знающія окончанія *ой*, а представляющія окончаніе *ый* (*ы*); врядъ ли г. Будде согласится возводить эти *ый* (*ы*) къ общерусскому *ъи*, которое, конечно, дало бы въ результатѣ *ой*, подобно тому какъ общерусское *ьи*, напр. въ формахъ им. вин. пад. именъ существительныхъ или въ окончаніи род. пад. мн. числа, дало въ бѣлор. и малор. не *ій* (*и*), а *ей* (соловей, гусей). Происхожденіе такого *ьи* новое: оно явилось въ общерусскомъ языкѣ на мѣстѣ общеслав. языка *ии* не фонетически (ибо *ии* сохранялось безъ измѣненія, напр. въ повел. пий, въ оконч. прилаг. синій), а подъ вліяніемъ формы другихъ падежей тѣхъ же именъ (соловья, которое вм. соловия, гусьмъ). Въ силу этихъ соображеній я допускаю существованіе въ общерусскомъ языкѣ формъ какъ слѣпый, кривый, и великор. слѣпой, кривой вывожу изъ

нихъ фонетически. Замѣчу прежде всего, что измѣненіе дифтонгическихъ сочетаній *ый* и *ій* должно быть разсматриваемо вмѣстѣ съ измѣненіемъ звуковъ *ы* и *і* передъ *j* или вѣрнѣе неслоговымъ *і*, за которымъ слѣдуетъ гласная, т. е. что кривый, третій измѣнялись въ кривой, третей одновременно съ переходомъ мыю, шія въ мою, шея. Далѣе, самый фактъ перехода *ы*, *и* въ *о*, *е* ясно доказываетъ, что звуки *ы*, *и*, въ положеніи передъ неслоговымъ *і* (или *j*), звучали иначе, чѣмъ въ другомъ положеніи, а именно, вѣроятно, еще въ общерусскомъ языкѣ, были болѣе открыты, чѣмъ вообще. Наконецъ, *ы*, *и*, вѣроятно, измѣнились въ *о*, *е* не непосредственно, а путемъ постепеннаго измѣненія въ направленіи къ *о*, *е*. Окончательное измѣненіе *ый*, *ій* въ *ой*, *ей* имѣло мѣсто въ отдѣльныхъ нарѣчіяхъ великорусскаго языка, хотя повидимому еще въ велико-бѣлорусскую эпоху діалектически *ый*, *ій* успѣли значительно измѣниться въ направленіи къ *ой*, *ей*. Эти оба положенія ясно доказываются изученіемъ современныхъ великорусскихъ говоровъ. Съ одной стороны во многихъ изъ нихъ до сихъ поръ сохраняются *ый*, *ій* безъ измѣненія: сюда относятся прежде всего южновеликорусскіе говоры, сосѣдніе съ бѣлорусскими; такъ въ ельнинскихъ говорахъ Смол. губ. мы найдемъ: выить, мыю, аткрый, на шыи, шій (примѣры въ Этн. сб. Добровольскаго), въ мосальскихъ говорахъ Калуж. губ.: накрый, пій, рыеть, разрый, сшыешь (вм. сошьешь), умыйтесь и т. д., въ жиздринскихъ говорахъ той же губ.: ныить, раскрыисся, шыють, накрыуть, мыу (съ діалект. опущеніемъ неслогового *і*). То же произношеніе извѣстно въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Орловской губерніи (я самъ наблюдалъ его въ Брянскомъ уѣздѣ), а также Курской. Наконецъ, въ послѣднее время оно указано и для Воронежскаго и Павловскаго уѣздовъ, при чемъ нѣтъ основанія видѣть здѣсь малоруссизмы: помыи, выить, ныить, крыить, мыить (см. прекрасное изслѣдованіе К. Филатова, Очеркъ народныхъ говоровъ Ворон. губ., въ Русск. Фил. Вѣстн. за 1897 г.). Нельзя не отмѣтить, что во всѣхъ этихъ говорахъ въ окончаніи им. вин. п. именъ прилагательныхъ вм. *ый* мы най-

демъ *ой* подъ удареніемъ: въ виду сохраненія *ы* въ случаяхъ какъ крыю, мыю, мый, ясно, что такое *ой* нельзя возводить фонетически къ окончанію *ый*; поэтому мы должны объяснять *ой* этихъ говоровъ или заимствованіемъ изъ другихъ сосѣднихъ говоровъ, гдѣ рядомъ съ мою, крою явились фонетически кривой, сухой, или вліяніемъ на форму им. вин. ед. формъ прочихъ падежей прилагательныхъ, т. е. что измѣненіе—кривы́й, храмы́й въ криво́й, храмо́й обязано вліянію формъ криво́го, храмо́му. Мнѣ, кажется, вѣроятнымъ допустить именно такое объясненіе формъ на *ой* напр. для смоленскихъ и калужскихъ говоровъ. Съ другой стороны слѣдуетъ замѣтить, что фонетически *ый* измѣнилось именно въ *ой* далеко не во всѣхъ великорусскихъ говорахъ: вм. ожидаемаго *ой* мы находимъ во многихъ изъ нихъ *эй*, ср. діалектическое *эй* вм. *ый* и въ бѣлорусскихъ говорахъ. Въ настоящее время замѣна *ый* черезъ *эй* отмѣчена не только въ южновеликорусскихъ, но также и въ сѣверновеликор. говорахъ. Такъ, по указанію г. Филимонова, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Вытегорскаго уѣзда обыкновеннымъ произношеніемъ оказывается: баскэ́й, до́брэй, прѣснэ́й, тѣснэ́й, худэ́й, ста́рэй, цёрствэй (Изв. II Отд. И. А. Н., I, стр. 565, 569); по сообщенію г. Георгіевскаго, такое же произношеніе наблюдается въ южной части Петрозав. уѣзда: воронэ́й, слѣпэ́й, гнѣдэ́й, высо́кэй (Извѣстія, II, стр. 248); въ области южновеликор. нарѣчія отмѣтимъ ельнинск. палявэ́й, маладэ́й, лисавэ́й, святэ́й, чужэ́й, ді́унэй. Въ Мосальскомъ и Жиздринскомъ уѣздахъ, какъ отмѣчено, окончаніемъ им. ед. именъ прилаг. является *ой*, но рядомъ существуетъ произношеніе: мыю, крыю; въ югозападномъ углу Жиздр. у (Милѣевская и др. волости) находимъ произношенію мэю, крэю, накрэй и др., при чемъ точнѣе было бы передать ударяемый звукъ въ этихъ и подобныхъ словахъ черезъ букву ö. Рядомъ съ этой діалектической особенностью говора, на востокъ отъ котораго слышится уже мою, крою, а на западъ мыю, крыю, мы находимъ въ мосальскихъ и жиздринскихъ говорахъ указаніе на то, что и въ нѣкоторыхъ грамматическихъ формахъ окончаніе *ый* фоне-

тически измѣнилось въ *эй*. А именно въ этихъ говорахъ обыкновеннымъ, преобладающимъ окончаніемъ род., дат., мѣст. и твор. ед. именъ прилагательныхъ является эй: жиздр. р. ед. аднэй, святэй, маладэй, мѣстн. ед. на чужей старанѣ, у друүэй избѣ, тв. ед. тэй же недѣлей, бѣлэй (а также бѣлэў) берёзоў, плохэю долею, водэу морскэу, мосальск.: тѣ же и другія, подобныя имъ формы. Такое же эй вм. ой находимъ въ ельнинскихъ говорахъ, гдѣ рядомъ и въ им. ед. прилагательныхъ извѣстно окончаніе эй; также въ Петрозаводскомъ и Вытегорскомъ уѣздахъ, гдѣ, какъ мы видѣли, преобладающимъ окончаніемъ им. ед. оказывается эй. Ср. петроз.: подъ ногэй, съ бабэй, отъ злэй собаки, отъ молодэй жены, на высокэй сосны (сообщеніе Георгіевскаго), вытегор.: пшонэй, съ тобэй, мѣстн. ед. моло́дэй, до́брэй, на густэй травы, па другэй жены (сообщеніе Филимонова). Звукъ э въ указанныхъ окончаніяхъ явился не изъ *о*, иначе мы бы ждали стэй, рэй, вэйско; что онъ восходитъ къ звуку *ы*, ясно доказывается тѣмъ, что рядомъ съ нимъ видимъ *эй* въ им. ед. прилагательныхъ. Въ виду этого я считаю необходимымъ возводить окончаніе эй всѣхъ указанныхъ формъ къ ыѣ, ый (окончаніе род. п. ед. ч.), причемъ молодой вм. молодыѣ, чередуясь съ молодой вм. молодоѣ, вызывало молодэй при молодой въ дат., мѣстн. и даже въ твор. пад. Въ виду такого объясненія окончанія эй, а также того, что въ им. ед. эй можно понять только какъ фонетическое измѣненіе дифтонга ый, слѣдуетъ, думаю, допустить, что во всѣхъ говорахъ, гдѣ въ настоящее время встрѣтится окончаніе эй, дѣйствовалъ нѣкогда фонетическій законъ о переходѣ *ы* передъ неслоговымъ і (й и іотированными гласными) въ э (вѣроятно, черезъ посредство ӧ открытаго, откуда въ другихъ великорусскихъ говорахъ о). Отсюда надо было бы вывести еще рядъ заключеній: 1) говоры, въ которыхъ рядомъ съ эй въ аднэй, маладэй извѣстно въ им. ед. прилагательныхъ окончаніе ой (маладой), заимствовали о вм. э изъ формъ род., дат., мѣстн. ед. числа (маладого и т. д.); сюда относятся мосальскіе, жиздринскіе, а частью и ельнинскіе говоры, гдѣ рядомъ съ эй извѣстно и ой; 2) говоры, въ которыхъ, рядомъ съ эй въ им. ед.

молодэй или въ род. ед. однэй, существуетъ произношеніе мыю, крыю, рый и т. п. сохранили ы подъ вліяніемъ формъ рыти, крылъ, мыла (ср. знаю при знать, знали); сюда относятся мосальскіе, жиздринскіе, ельнинскіе говоры; 3) говоры, въ которыхъ, рядомъ съ эй въ им. ед. молодэй или въ род. ед. однэй, извѣстно произношеніе мою, крою, рой, заимствовали его изъ сосѣднихъ говоровъ; сюда относятся петрозаводскіе и вытегорскіе говоры, если только въ нихъ дѣйствительно не встрѣчается мэю, крэю, рэй; 4) звукъ і въ положеніи передъ неслоговымъ і въ говорахъ, измѣнившихъ ы въ э, не измѣнялся параллельно въ *е*, а сохранялся какъ і, ср. мосальск. и ельнинск. шію, шія, при чемъ *е* въ лей, бей, пей (повел. накл.) объясняется изъ е не фонетически, а тѣмъ, что въ языкѣ существовало чередованіе между ударяемымъ звукомъ *е* въ однѣхъ формахъ и отсутствіемъ его въ другихъ, между тѣмъ какъ чередованіе звука *и* съ отсутствіемъ звука было вообще неизвѣстно (ср. лев—льва, весь—всѣ съ лей при лью).

Во всякомъ случаѣ звуковое сочетаніе *эй*, такъ же какъ *ой*, приводитъ насъ къ первоначальному сочетанію *ый*.

Послѣ всѣхъ этихъ замѣчаній ясно, что окончаніе *ый* нашихъ письменныхъ памятниковъ не можетъ быть, согласно мнѣнію г. Будде, разсматриваемо только какъ графическое изображеніе живого произношенія *ой*. Внимательное изученіе памятниковъ покажетъ въ будущемъ, насколько возможно по письменнымъ даннымъ нашего прошлаго судить о времени измѣненія звука *ы* въ положеніи передъ неслоговымъ *і*; теперь уже ясно, что оно случилось во всей области великорусскаго нарѣчія не одновременно, а въ разныя эпохи и при различныхъ условіяхъ; отмѣтимъ здѣсь вопросы, связанные съ ударяемостью и неударяемостью такого *ы*, а также вопросъ о томъ, случился ли окончательный переходъ *ы* въ *о* послѣ измѣненія сочетаній *кы*, *гы*, *хы* въ *ки*, *ги*, *хи* или до него; говоры, представляющіе произношеніе сухой, крѣпкій, вѣроятно, указываютъ на измѣненіе *кый*, *хый*, *гый* (еще не перешедшихъ въ *кій*, *хій*, *гій*) въ *кой*, *хой*,

гой, а говоры, гдѣ, рядомъ съ ловкой, морской, извѣстны и ловкёй, морскёй, указываютъ, конечно, на то, что, въ эпоху перехода *ый* въ *ой*, ловкый звучало уже какъ ловкій: отсюда ловкей, а подъ вліяніемъ ловкого, ловкому—ловкёй.

III.

Къ сожалѣнію, я долженъ прекратить нашу научную бесѣду: мы слишкомъ отклонились бы отъ прямой задачи разбора—дать критическую оцѣнку изслѣдованія г. Будде. По обѣимъ предыдущимъ главамъ можно составить себѣ лишь слабое понятіе объ этой книгѣ: я приводилъ только то, съ чѣмъ по моему мнѣнію нельзя въ ней согласиться, оставляя совершенно въ тѣни положительныя стороны почтеннаго труда. Не надѣюсь и въ этой части разбора успѣть въ достаточной степени выставить на видъ все то, что можно признать достоинствами сочиненія ученаго автора. Ограничусь поэтому указаніемъ на нѣсколько положеній и нѣсколько данныхъ, дѣлающихъ разбираемую нами книгу цѣннымъ и необходимымъ пособіемъ для будущихъ изслѣдователей русскаго языка.

Въ области фактовъ г. Будде знакомитъ насъ съ такими явленіями касимовской рѣчи, которыя до сихъ поръ были совершенно неизвѣстны; нѣкоторыя изъ нихъ проливаютъ совершенно новый свѣтъ на взаимныя отношенія русскихъ говоровъ.

Такъ мы узнаемъ теперь о произношеніи на крайнемъ сѣверо-востокѣ южновеликорусской области нал'лють, селен'ня вм. налњють, селенья (стр. 194), пахме́ля вм. пахме́лья (стр. 114). Авторъ справедливо сопоставилъ это рѣдкое, по его замѣчанію, явленіе съ бѣлор. и малор. произношеніемъ, а также съ наллю́, ву́галля, заміре́ння курскихъ говоровъ. Подобное же произношеніе, какъ извѣстно, является на западѣ, въ южновеликор. говорахъ, пограничныхъ съ бѣлорусскими (ср. мосальск. и жиздр. бѣл'лё, кры́л'ля, су́чча, бра́т'тя, лошад'дё, бад'дю́, суд'дя́, л'лю,

Ѳядо́с'ся, сви́н'нямъ и т. д.): теперь, благодаря наблюденію г. Будде, надо, конечно, отказаться отъ мысли, что въ подобномъ произношеніи курскихъ и калужскихъ говоровъ сказалось бѣлорусское вліяніе. Дѣйствительно, измѣненіе группы согласная $+j$ въ двойную согласную, откуда и одна согласная, вслѣдствіе упрощенія, не находится въ какомъ нибудь несогласіи съ основными чертами великорусской фонетики; такъ, повидимому, общимъ великорусскимъ явленіемъ слѣдуетъ признать измѣненіе согласной $+j$ въ одну согласную въ положеніи этой группы передъ звукомъ *i*; общерусскія птичьии, божьии, козьии, третьии (ср. древнерусск. третьии) измѣнились во всѣхъ великорусскихъ нарѣчіяхъ въ птичій, божій, козій, третій, при чемъ при новыхъ формахъ им. падежа явились и новыя формы косвенныхъ падежей: птичья, третья вм. птичьяя, третьяя. Въ нѣкоторыхъ, даже сѣверновеликорусскихъ говорахъ, извѣстно произношеніе треттій съ двумя *т*, что, конечно, являясь архаизмомъ, сравнительно съ третій, должно быть сопоставлено съ треттій, треття мосальскихъ говоровъ.

Немаловажнымъ открытіемъ слѣдуетъ признать замѣченные г. Будде дифтонги и долгія гласныя въ касимовскихъ говорахъ; весьма важно, что г. Будде рѣшился сопоставить ихъ съ дифтонгами и долготами вятскихъ говоровъ; наука ждетъ отъ Е. Ѳ. и отъ будущихъ изслѣдователей подробнаго и параллельнаго разсмотрѣнія относящихся сюда въ обоихъ говорахъ явленій. Пока не рѣшаюсь высказать своего мнѣнія о касимовскихъ долготахъ; ставлю въ заслугу г. Будде, что и онъ не сдѣлалъ какой-нибудь рѣшительной попытки связать русскія долготы съ долготами другихъ славянскихъ нарѣчій. Я не вижу изъ приводимыхъ имъ данныхъ, чтобы какой-нибудь звукъ, какое-нибудь окончаніе или слово непремѣнно произносилось всегда съ долгой или краткой гласной: количество гласной положительно зависитъ отъ условій, въ которыхъ слово находится въ связной рѣчи. Жаль, что въ образцахъ рѣчи, находящихся въ 1-омъ Приложеніи къ книгѣ г. Будде, въ рѣдкихъ лишь случаяхъ отмѣчена долгота; за-

мѣчу, кстати, что сравненіе записей съ примѣрами, приводимыми въ 1-ой главѣ I части, ясно доказываетъ, что долгота зависитъ отъ нѣкоторыхъ субъективныхъ причинъ, той или другой степени ударенія на словѣ, того или другого оттѣнка въ интонаціи и т. п.; ср. на стр. 336: во́ску-ту *мно́γа̄*, а на стр. 34: во́ску-ту *мно̄γа̄*, на стр. 334: рыбы-ти *мно́γа* у на́с; стр. 34: у́льи-ти *то̄́жа*, а на стр. 337: жэ́ньшыны-ти *то́жа*; на стр. 33: *деⁱшо́ва̄й*, а на стр. 34: *деⁱшо̄́ва̄й* и т. д. Жаль также, что замѣчаніе автора объ особой пѣвучести говоровъ нѣкоторыхъ волостей (прим. на стр. 80) не поставлено въ связь съ вопросомъ о долготахъ.

Весьма важно указаніе автора на произношеніе игра́јуот, пріѣ́д'уот, вздумајуот—формъ 3 л. ед. ч. съ дифтонгомъ *уо*; *уо* совершенно правильно объясняется растяженіемъ звука *о*, ср. рядомъ съ ними формы, какъ пріѣ́дёт, хо́јёт. Въ подобныхъ формахъ на -уот, -ёт г. Будде видитъ указаніе на то, что касимовскіе говоры нѣкогда не акали, т. е. не обращали неударяемаго *о* въ *а*; ср. существующія теперь при нихъ же формы, какъ будят, выткят, ля́жа̄т, ска́жа̄т (стр. 77). Это указаніе автора однородно съ цѣлымъ рядомъ другихъ его замѣчаній относительно того, что прошлое касимовскихъ говоровъ не соотвѣтствовало ихъ настоящему, приближаясь звуковой стороной къ окающимъ, сѣвернорусскимъ говорамъ. Знакомство съ описаннымъ г. Будде говоромъ произвело на меня такое же впечатлѣніе, и я согласенъ съ нимъ, когда онъ говоритъ, что аканье касимовскаго говора явленіе позднѣйшее, занесенное съ юга (стр. 260, 88, 330), заимствованное изъ сосѣднихъ акающихъ говоровъ; согласенъ и съ тѣмъ, что къ исконнымъ чертамъ касимовскаго говора, принадлежавшаго къ группѣ сѣверновеликор. говоровъ, должно причислить *г* (а не γ), при чемъ встрѣчающееся рядомъ γ надо считать заимствованіемъ изъ тѣхъ же южнорязанскихъ говоровъ (ср. стр. 20, 177 и др.); считаю также правильнымъ утвержденіе автора, что чёканье и цоканье касимовскихъ говоровъ ближайшимъ образомъ роднитъ ихъ съ сѣверновеликорусскими говорами (стр. 20); сѣверно же великорусскою чертою надо

признать произношеніе *аэ* и *а* вм. *ае*, *аи* (хватаэт, чита̊т, ср. стр. 46); измѣненіе ударяемаго *а* (*я*) между мягкими согласными въ *е*, въ случаяхъ какъ грезь, взеть, петера, преники, аддилеим (стр. 97, 98), вѣроятно также сѣверная черта; сюда же справедливо относятся авторомъ *т* твердое въ 3 л. ед. и мн. (стр 143) и измѣненіе ударяемаго *ѣ* въ *и* (стр. 90, 91); произношеніе тибя, миня несомнѣнно также характеристично для сѣверновеликорусскихъ говоровъ. Соображая всѣ эти фонетическія особенности, г. Будде съ полнымъ основаніемъ приходитъ къ заключенію, что касимовскіе говоры въ значительной степени представляютъ образцы смѣшанныхъ, нечистыхъ говоровъ (стр. 81). Вмѣстѣ съ тѣмъ мы находимъ у него же въ нѣсколькихъ мѣстахъ его книги указаніе на то, что считать касимовцевъ переселенцами съ сѣвера нельзя, что напротивъ они должны быть признаны давнишними поселенцами рязанскаго края, испытавшими значительное вліяніе сосѣднихъ, а именно южнорязанскихъ говоровъ. Такіе выводы автора я считаю весьма цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для науки о русскомъ языкѣ и охотно ставлю ихъ на ряду съ нѣкоторыми обобщеніями нашихъ лучшихъ изслѣдователей, — давшими возможность, на основаніи данныхъ языка, говорить о первоначальной группировкѣ русскихъ нарѣчій и о причинахъ, вызвавшихъ появленіе той новой картины, которая развертывается теперь передъ наблюдателемъ. Вслѣдъ за авторомъ, мы заключаемъ, что Касимовскій уѣздъ былъ занятъ нѣкогда сѣверными великороссами и что лишь позже имъ пришлось испытать на себѣ вліяніе южныхъ великороссовъ; слѣдовательно, врядъ ли можно допустить, чтобы касимовскіе говоры издавна были пограничными между областями сѣверновеликорусскаго и южновеликорусскаго нарѣчій, были переходными говорами отъ одного изъ этихъ нарѣчій къ другому. Переходный говоръ нельзя было бы характеризовать такъ, какъ г-ну Будде удалось опредѣлить касимовскіе говоры: это, по его словамъ, говоры въ основаніи своемъ сѣверновеликорусскіе, испытавшіе на себѣ вліяніе южныхъ говоровъ. Слѣдовательно, авторъ правъ, расширяя первоначальную

границу сѣверновеликорусскаго нарѣчія: я думаю, что съ полнымъ основаніемъ можно будетъ современемъ отнести весь древній рязанскій край къ области сѣверновеликорусской; борьба со степью и татарское нашествіе отодвинули древнія племена, первоначальныхъ поселенцевъ къ сѣверу и сѣверовостоку, а ихъ мѣсто заняли вытѣсненныя съ юга и югозапада племена, вызвавшія своимъ движеніемъ паденіе Кіева и перенесеніе центра русской жизни въ бассейнъ рѣки Оки. Касимовцы—это остатки древне-русскаго населенія, а населеніе южныхъ уѣздовъ рязанской губерніи—это пришлецы съ юга и югозапада, занявшіе области, опустошенныя княжескими усобицами, половецкими набѣгами и нашествіемъ татаръ. Не нахожу ничего невѣроятнаго и въ другомъ предположеніи автора, что первоначальное населеніе рязанской и смежныхъ областей двинулось подъ напоромъ неблагопріятныхъ условій къ сѣверовостоку и заселило собою Вятскую область: во всякомъ случаѣ г. Будде провелъ слишкомъ убѣдительныя параллели между говорами Вятчанъ и Касимовцевъ, чтобы было возможно сомнѣніе относительно особой близости этихъ двухъ племенъ, въ настоящее время не граничащихъ другъ съ другомъ. Сходство между ихъ говорами выражается не только въ такихъ оригинальныхъ чертахъ, какъ присутствіе въ нихъ долготъ и дифтонговъ, но и въ болѣе мелкихъ, каковы напр. отмѣченное г. Будде произношеніе ля́хкая, при чемъ пока еще только въ Вятскомъ краѣ извѣстно *я* въ этомъ словѣ (стр. 48), или замѣна согласныхъ ч, ш, ж въ 1 л. ед. наст. вр. подъ вліяніемъ другихъ лицъ наст. вр. (колотю, носю, ср. стр. 174) и нѣк. др. Населенъ ли Вятскій край дѣйствительно Вятичами, они ли сидѣли раньше въ Рязанской области и были прямыми предками современныхъ Касимовцевъ, это все вопросы, которые врядъ ли можно рѣшить безъ основательнаго изученія вопроса о заселеніи Вятскаго и Рязанскаго края. Вотъ почему, соглашаясь съ г. Будде относительно характеристики касимовскихъ говоровъ въ отношеніи ихъ къ нарѣчіямъ сѣверно и южновеликорусскимъ, а также съ тѣмъ, что между вятскими говорами и касимов-

скими (вообще сѣверными рязанскими) существуетъ какая-то особая тѣсная связь, я пока не могу придавать особаго значенія попыткѣ признать Вятичей связующимъ звеномъ между тѣми и другими.

Благодаря остроумнымъ указаніямъ г. Будде на двойственный характеръ изслѣдованныхъ имъ говоровъ, на то, что въ основаніи ихъ лежитъ сѣверновеликорусскій говоръ, подвергшійся вліянію южныхъ говоровъ, передъ нами открывается рядъ вопросовъ, считать ли ту или другую черту въ фонетикѣ касимовскаго говора сѣверновеликорусскою или же заимствованною съ юга. Въ особенности останавливаетъ на себѣ вниманіе произношеніе звука *в* въ касимовскомъ говорѣ. Г. Будде цѣлымъ рядомъ прекрасно подобранныхъ примѣровъ на стр. 147—152 доказалъ, что мѣстами звукъ *в* произносится какъ неслоговое *у* и при томъ не только въ положеніи передъ согласными (праўду, даўно, дѣўка) или въ концѣ слова (γадóў, дамóў, пираγóў, карóў), но также въ серединѣ слова передъ гласными и даже между ними, равно какъ и въ началѣ слова передъ гласными (дўóя, дрáтўу, хўóст; нарыўáла, γалóўак, угаўóру; лáскаўая, ўорах, ўóзють и т. п.); при этомъ произношеніе *в* какъ неслоговое *у* извѣстно даже передъ мягкими гласными, хотя вѣроятнѣе, что здѣсь неслоговое *у* замѣняется черезъ неслоговое й: ўядрó (вѣроятно йадрó съ й несл.), ўяля́т, станóўим и т. д.; это неслоговое й можетъ переходить, вслѣдствіе болѣе тѣсной ассимиляціи съ слѣдующею гласною, въ неслоговое *і*: у Растоjи, зγатójить, дéjить и др.; такое же неслоговое й, какъ мы указывали уже выше, является на мѣстѣ неслоговаго *у* въ положеніи передъ слѣдующею мягкою согласною: дѣйки, трайки, с маркójю и т. д. На вопросъ, видѣть ли въ этой любопытной фонетической чертѣ, впервые отмѣченной съ подробностью, черту сѣвернаго или южнаго великорусскаго вокализма, авторъ отвѣчаетъ на стр. 307—308 въ томъ смыслѣ, что разбираемое явленіе исконно принадлежало касимовскому говору и должно быть было характернымъ для говора древнихъ Вятичей; «въ древности, читаемъ мы на стр. 308,

это явленіе было извѣстно всему русскому языку и вотъ чѣмъ объясняется присутствіе этой мѣны *в* и *у* нынѣ въ такихъ говорахъ, какъ говоры Черниговской, Новгородской, Владимірской, Рязанской и друг. губерній». Кажется, г. Будде правъ и мы не имѣемъ достаточныхъ основаній относить смѣшеніе ў и *в* на счетъ южновеликор. вліянія. Правда, произношеніе в какъ ў свойственно нѣкоторымъ южновеликор. говорамъ; такъ напр. въ Мещовскомъ, Мосальскомъ и Жиздринскомъ уѣздахъ мы найдемъ ў вм. *в* во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, которые отмѣчены выше (Мещовск. Мосальск. ўосемь, ўесь, ўолю, кўасу, наўо́с, ўозиш, даўольна, ўеди́), при чемъ *в* вообще отсутствуетъ въ языкѣ или произносится не какъ губнозубной, а какъ губногубной звукъ: каро́wа, wо́троду, наwо́с, wо́тки, ба́луwаıца, wор, Wо́сип и т. д.; но отсутствіе мѣны *у* и *в* въ южныхъ рязанскихъ говорахъ (Будде, Къ діалектологіи 41—43), дѣлаетъ весьма вѣроятнымъ предположеніе автора о томъ, что черту *в*=ў надо сопоставлять не съ аканьемъ, не съ *т* мягкимъ въ 3 л., не съ γ вм. *г*, а съ остатками оканья, съ смѣшеніемъ *ч* и *ц* и тому подобными явленіями.

Весьма цѣнны указанія автора на случаи, гдѣ вм. *в* мы находимъ γ, а вм. *ф*—*х*. Произношеніе γ баку́, γ вадѣ, γ вярху̀, γ мисаѣт, γ рабо́ту сопоставляется имъ съ произношеніемъ: х тялѣ́ги, х паса́ди, х по́ля, х по́ньках, х по́ли и т. д. Поэтому появленіе γ въ подобныхъ случаяхъ нельзя сравнивать съ γ изъ г: г. Будде ясно указываетъ (стр. 318), что *г* вм. *в* совершенно неизвѣстно. Въ виду этого γ въ γ вадѣ, γ вярху́ и т. д. можно смѣло относить къ основнымъ, исконнымъ чертамъ касимовской фонетики и сравнивать его съ слышаннымъ мною въ Петрозав. уѣздѣ Олон. губ. γ въ случаяхъ какъ: γ воду, γ воды́ (въ водѣ), γ мо́рю, ср. тамъ же *х* въ х карабли́; если мы вспомнимъ, что въ тѣхъ говорахъ Олон. губ., гдѣ отмѣчено подобное произношеніе, замѣчается и смѣна *в* на *у* неслоговое по крайней мѣрѣ въ положеніи передъ звонкими согласными (у меня отмѣчено: дереўня, дешеўле, ро́ўда, удо́фка и нѣк. др.), окажется, что Петрозав. γ воды́ и касим. γ вадѣ́ должны имѣть одинаковое фонетическое объясненіе, стоящее при томъ въ связи

съ произношеніемъ *в* какъ *у* неслоговое. Я думаю, что о фонетическомъ переходѣ ў въ γ не можетъ быть и рѣчи; мы, конечно, ожидалибы въ такомъ случаѣ γ на мѣстѣ всякаго ў. Вѣроятнѣе объяснять γ изъ *в*, ср. измѣненіе *ф* въ *х* не только въ предлогѣ въ, но и въ словахъ какъ сарахан, Трахи́м, Ахонскай и т. п. Но неясно, какимъ образомъ вм. ў вадѣ́, ў по́ли явилось бы ввадѣ́, фпо́ли. Можетъ быть появленіе γ и *х* обязано такимъ случаямъ, гдѣ вм. ў, черезъ посредство й неслогового, возникало неслоговое *і*, ј: измѣненіе ў яму, ў јераво́я по́ля, ў јимщика́, ў яго́ въ јаму, јеравоя, јимщика, јаго́ съ энергичнымъ (двойнымъ, долгимъ) ј (ср. такое ј, изображаемое черезъ γь, у г. Будде: γьють вм. вьютъ), появленіе ј дереўню, ј лѣс, ј мѣшкѣ́, ј мѣ́ру и т. д. непосредственно вмѣсто ḭ лѣс, ḭ мѣру (а ḭ вм. й несл.), вызвали звукъ γ (твердый звукъ, соотвѣтствующій смягченному ј) и *х* (твердый звукъ, соотвѣтствующій смягченному $х^1$, глухому отзвуку звонкаго ј, напр. $х^1$ печи́) передъ твердыми гласными и согласными: рядомъ съ јверху́ являлось γ водѣ́, рядомъ съ $х^1$ печи́—х по́лю. Впослѣдствіи, когда средненёбныя согласныя измѣнились въ задненёбныя въ положеніи передъ мягкими зубными (ср. ряз. лехче вм. болѣе древняго $лех^1че$) и губными—ј мѣ́ру, $х^1$тялѣ́ги измѣнялись фонетически въ γ мѣ́ру, х тялѣ́ги. Совершенно аналогично появленіе *х* въ дѣхка, прибахка, паддзёхка (стр. 157): фонетически являлись дѣḭки, прибаḭки, паддёḭкѣ, которыя и вызывали передъ твердымъ *к* звукъ, соотвѣтствующій ḭ, ј, т. е. *х*: дѣḭки, откуда и $дѣх^1ки$ (дѣхьки, стр. 168), вызвало дѣхка. Замѣчу, что появленіе *х*, γ вм. предлога *въ* могло имѣть слѣдствіемъ смѣшеніе предлога *въ* съ предлогомъ *къ* (вм. котораго передъ нѣкоторыми звуками *х* и γ: х полю, γ дому): этимъ объясняется появленіе Петрозав. γ *воды́* вм. къ водѣ; дѣйствительно, измѣненія предлога *въ* вызвали различіе его судьбы въ зависимости отъ слѣдующей согласной: передъ звонкими являлось γ, передъ глухими *х*; тоже перенесено на предлогъ къ, вм. котораго γ стало употребляться не только въ случаяхъ какъ γ дому, но и въ такихъ какъ γ водѣ́, γ морю (Петрозав.). Отмѣтимъ здѣсь кстати,

что въ касимовскихъ говорахъ въ род. пад. окончаніемъ является не γо, а во, ўо: яво́ 179, яўо 147, сево́ 337, ницаво́ 336 и т. д.; вотъ почему г. Будде правъ, объясняя на стр. 162 сяо́, мило́о, друγоа, цао́, яо́ и т. д. выпаденіемъ *в*, а точнѣе неслогового ў; въ этомъ измѣненіи γ формы род. ед. въ в едва ли не слѣдуетъ видѣть также сѣверновеликорусскую черту, такъ какъ южновеликорусскіе говоры (кромѣ московскаго, гдѣ много особенностей сѣвера), представляющіе произношеніе *г* какъ γ, не знаютъ перехода γ въ *в*.

Помимо новыхъ данныхъ изъ народныхъ говоровъ, г. Будде предложилъ цѣлый рядъ весьма убѣдительныхъ соображеній относительно различныхъ фонетическихъ и морфологическихъ явленій касимовскаго говора; я не стану останавливаться на этихъ объясненіяхъ и указаніяхъ автора, такъ какъ простой перечень ихъ врядъ ли поможетъ намъ охарактеризовать общіе пріемы автора и выяснить его дѣйствительныя заслуги; подробный же разборъ ихъ слишкомъ увеличитъ объемъ настоящей рецензіи.

Изслѣдованіе г. Будде, какъ видно изъ предшествующаго разбора, посвящено описанію звукового состава касимовскихъ говоровъ. Звуки и звуковыя явленія разсмотрѣны авторомъ съ замѣчательной обстоятельностью; онъ установилъ связь между ними и эпохой общерусскаго языка, проведя систематическое сравненіе ихъ съ звуковыми особенностями другихъ русскихъ говоровъ, современныхъ и древнихъ. Благодаря этому мы находимъ въ трудѣ г. Будде рядъ страницъ, относящихся къ исторіи русскаго языка вообще. Выясненіе звукового состава касимовскихъ говоровъ установило то мѣсто, которое они занимаютъ среди прочихъ великорусскихъ говоровъ, а это привело автора къ замѣчательному выводу о томъ, что нѣкогда область рязанская, или по крайней мѣрѣ сѣверная часть ея, нынѣ акающая, принадлежала

къ обширной области сѣверновеликорусскаго нарѣчія, при чемъ сѣвернорусскіе говоры этихъ мѣстностей измѣнились подъ вліяніемъ сосѣднихъ южныхъ говоровъ, принадлежащихъ племенамъ, можетъ быть, лишь впослѣдствіи явившимся съ юга. Этотъ главный результатъ изслѣдованія г. Будде нельзя не признать цѣннымъ вкладомъ въ исторію русскаго языка. Въ виду этого, а также того замѣчательнаго трудолюбія, которымъ отличается авторъ, тонкой наблюдательности его и тщательности изслѣдованія, я думаю, что недостатки представленнаго имъ на премію сочиненія не могутъ помѣшать Отдѣленію русскаго языка и словесности присудить г-ну Будде премію имени Ломоносова, тѣмъ болѣе что эти недостатки въ значительной степени зависятъ отъ той спѣшности, съ которою ему пришлось работать.

